

ШЕДЕВРЫ ФАНТЕЗИ

СЕМЕРО

ПИТЕР НЬЮМАН

Шедевры фэнтези

Питер Ньюман
Семеро

«Издательство АСТ»

2017

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

Ньюман П.

Семеро / П. Ньюман — «Издательство АСТ», 2017 — (Шедевры фэнтези)

ISBN 978-5-17-112252-2

Прошли годы с тех пор, как Странник добрался до Сияющего города. Все вокруг изменилось. Теперь людям и инферналям приходится существовать бок о бок, а Веспер, дочь Странника, пытается привести новое общество к единству и процветанию. Но опасность приходит от тех, кто все это время спал. Тех, кто был создан защитить мир от демонов, но потерпел поражение. Теперь они проснулись, решив исправить свои ошибки. Вот только в новой реальности их помощь может разрушить весь мир, обретенный дорогой ценой, а бывшие заступники становятся подлинными чудовищами. И теперь Страннику и Веспер предстоит остановить тех, кого они некогда считали богами.

УДК 821.111
ББК 84 (4Вел)

ISBN 978-5-17-112252-2

© Ньюман П., 2017
© Издательство АСТ, 2017

Содержание

Глава первая	7
Глава вторая	18
Тысячу пятьдесят два года назад	28
Глава третья	29
Тысячу пятьдесят один год назад	39
Глава четвертая	41
Глава пятая	51
Тысячу сорок девять лет назад	55
Глава шестая	58
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Питер Ньюман Семеро

Peter Newman
THE SEVEN

Публикуется с разрешения автора и литературных агентств Caskie Mushens Ltd. и Prava
I Prevodi International Literary Agency

Перевод с английского: Катерина Шукина

В оформлении использована иллюстрация Ольги Зиминой и Валерии Евдокимовой

Дизайн обложки: Юлия Межова

Серия «Шедевры фэнтези»

Copyright © 2017 by Peter Newman
All rights reserved.

© Катерина Шукина, перевод, 2022

© Ольга Зиминая, Валерия Евдокимова, иллюстрация, 2022

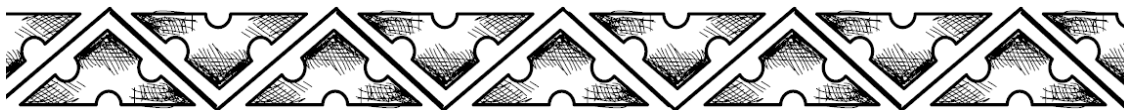
© ООО «Издательство АСТ», 2022

* * *

*Моим родителям —
за вашу неустанную поддержку*

Глава первая

Альфа из Семерых стоит в каменной скорлупе алькова – хрупкой темнице, выточенной скорбью и быстрыми каменными слезами – застывающими, удушающими.

Тысячу лет он с братьями и сестрами обитает в своих покоях. Они закоснели, взгляды их обратились внутрь – и с каждым днем все сильнее отдаляются от человечества. Так было не всегда.

Однажды, когда впервые проснулся Разлом, они отправили свою сестру, Гамму, на помощь людям. Настало ее время сиять, исполнить волю создателя и принести славную победу в битве против инфернала.

Но славы она не стяжала. Лишь смерть.

Когда Гамма не вернулась, Семеро вновь плакали, проливая слезы над ее оборвавшейся жизнью, которая должна была длиться вечно.

А когда некий странник вернул живой меч Гаммы, то реликвия уже не была прежней. Они предложили клинку упокоиться рядом с ними, но меч их отверг. Меч их осудил.

И они удалились от боли и скорби и вернулись в убежище памяти.

Прошли годы, и Разлом породил новую угрозу.

Семеро отвернулись.

Меч Гаммы отважился вновь появиться в мире.

В этот раз его принесла девочка, и там, где мужчина промолчал, ей было что сказать.

Альфа помнит ее слова. Колющие, волнующие, превращающие скорбь в злость, бездействие в действие. Заключение в этих словах ярость заставляет его содрогнуться. Каменная скорлупа расходится трещинами. Падают каменные осколки, подобно распадающейся мозаике, где каждый кусочек обнажает искру серебра, намекающую на сущность облика, скрытого внутри. Расправляются крылья: Альфа, сияя, выходит из алькова, и с него каскадом слетают камни, а пыль образует вокруг ореол.

Его сущность вспыхивает жизнью, следом – сущности его братьев и сестер. Они медленно, неохотно просыпаются. Вынужденно, но нерешительно, с любопытством и опаской.

У Альфы небесно-голубые глаза. Он смотрит на каждый альков, на братьев, Бету и Эпсилона, на сестер, Дельту, Тету и Эту. Расправляются серебряные крылья, слетает каменная крошка, обнажая сияющие тела. Осколки облаком висят над землей. Взмах крыла, еще один, и облако рассеивается.

Долгое время они смотрят друг на друга. Оседает пыль, начинают формироваться мысли. Затем, один за другим, они выступают из альковов и присоединяются к Альфе в центре зала.

Шесть совершенных фигур из металла собираются в круг. Их голоса, гармонично переплетаясь друг с другом, создают музыку. Медленно поют о том, что произошло, пока они спали, о том, что пошло не так, и принимаются обсуждать, что нужно сделать и скольким придется погибнуть.

Недалеко от святилища нервно топчется Веспер: в волосы ей вплетаются перья, и она недовольно дергается.

– Это правда так необходимо?

В ответ на ее вопрос руки замирают, а три пары глаз устремляются к другому лицу в комнате, наделенному властью.

За теми, кто наряжает Веспер, наблюдает Покорность, единственный человек, которому дозволено входить в святилище Семи. Она облачена в плащ из перьев, ее кожа лишена волос, ее пальцы – ногтей, а ее тело и жизнь посвящены служению. Голос Покорности способен успокаивать бессмертных, и с Веспер проблем не возникает.

– Ты не одобряешь?

– Не в этом дело, – отвечает Веспер. – Уверена, оно смотрится... мило. Но это не я. Я думаю, они должны видеть меня такой, какая я есть.

– Думаешь, тебя определяет твоя внешность?

Веспер задумчиво расчесывает тонкие белые шрамы на щеке.

– Нет.

– Тогда предстань перед ними как предводительница. Ты – избранница Семи, Хранительница меча Гаммы. Нашим проводником в новую эру станет твой голос. Изменения пугают, и народ Сияющего Града должен в тебя поверить. Это, – указывает она на одеяние Веспер, – облегчит им задачу.

Веспер пожимает плечами, Покорность кивает, и команда возвращается к работе.

Внесены коррективы, учтены мелкие детали. Ее длинный плащ расправлен, пластины на плечах отполированы. Сапоги Веспер добавляют пару десятков сантиметров к ее росту, прическа – еще больше. Она не чувствует себя выше ни на сантиметр.

– Готова? – спрашивает Покорность.

Не готова.

– Да, – отвечает Веспер, поднимая меч и вешая его за спину.

Покорность улыбается, что происходит редко.

– Прекрасно. Пора.

Они собираются вокруг ведущих к святилищу Семерых ступеней. На церемонию приветствия вернувшейся Хранительницы пришли многие тысячи. Первые лица Сияющего Града и гордые подданные Империи Крылатого Ока. Рыцари-серафимы в сияющей броне, идеально ровные шеренги солдат и горожане в одинаковых скромных одеяниях и с одинаковыми мыслями. Явились даже дети, выстроенные в синхронизированные и молчаливые хоры.

У широких серебряных ступеней колышется живое море людей. Ослепительный монумент бесшовного металла в пятнадцать метров высотой обрывается высоко в воздухе. Оставшиеся десять метров пустого пространства отделяют ступени от огромного парящего куба с совершенно ровными гранями – самого святилища, медленно вращающегося на оси, подвешенного над землей силами, природа которых никому более не ясна.

В основании куба открывается маленький проход, обрамляющий две фигуры внутри.

Далеко внизу собравшиеся почтительно склоняют головы, а рыцари салютуют поющими мечами.

Одна из фигур, Покорность, выходит вперед, нащупывает опору в воздухе и начинает спускаться, несомая любовью Семи. Это ее ежедневное испытание веры. Вторая, Веспер, обнажает меч и выставляет его перед собой. От рукоятки отделяются серебряные крылья, ощущают потоки смешанной с воздухом сущности. На крестовине обнажается глаз, он открывается, и Веспер смотрит прямо на него.

Легко улыбается и делает шаг вслед за Покорностью.

Ни одна из них не падает.

Одна ступает изящно, другая шагает со спокойной уверенностью.

Когда они доходят до верхней ступени, Веспер хмурится. Глаз на мече не закрылся, а, наоборот, широко раскрылся и стал встревоженно смотреть ей за спину. Она отваживается обернуться, но видит лишь стену огромного куба и два солнца над ним.

Вскоре она выкидывает тревоги из головы, ибо все взгляды Сияющего Града направлены на нее. Когда она заговорит, они будут слушать. И, по ее требованию, каждое ее слово будет передано во все уголки того, что осталось от Империи, по встроенным в голову чипам, через гонцов, торговцев и агентурные сети, находящиеся в распоряжении Линз.

Ее собственный чип транслирует речь ей в голову. Она знает, что сказать, но, как говорит Покорность, ушам слышны лишь слова. Ее задача – завоевать их сердца.

Прежде чем начать, она оглядывается в поисках поддержки – последнего заряда уверенности.

Веспер находит ее в янтарных глазах, смотрящих на нее на пару ступеней ниже. В броне отец выглядит странно. Хотя его и нарядили в соответствии с городским этикетом, он явно выделяется, ему неуютно. Несмотря на все оказываемые ему почести, она знает, что он с большей радостью остался бы дома, ухаживал за козами и возводил бы недолговечные пристройки к дому.

Эти мысли вызывают у нее улыбку. Она удивлена тому, что он пришел, и рада, что он здесь.

Отец улыбается в ответ.

Этого достаточно.

Она делает глубокий вдох и, перехватывая рукоятку меча, начинает речь.

– Война с инферналами закончилась десять лет назад. Разлом запечатан. Но раны того времени будут напоминать о себе. – На мгновение она замолкает, пытаясь обнаружить хоть какую-нибудь реакцию. Ее нет. – Юг был опустошен войной. Когда появились первые демоны, люди просили Сияющий Град о помощи, но мы ничего не сделали. Снова и снова они зывали к нам. Снова и снова мы бездействовали. Пришло время это исправить.

Некоторые наши колонии, такие как Сонорус, считали, что Империя их бросила, и поэтому они нас покинули. И у них было полное право злиться, поскольку мы их подвели, когда они больше всего в нас нуждались. Теперь Сонорус для нас потерян так же, как потеряна для нас южная часть Империи. Но мы еще можем восстановить давние связи и искупить свою вину. Им больше не нужны наши мечи, зато им нужна наша помощь.

Как вы знаете, мир был вынужден измениться. За морем появились новые силы – люди, демоны, полукровки и самые причудливые помеси всех этих видов. Некоторые из них сражались со мной против худших порождений Разлома.

Веспер окидывает взглядом сотни смотрящих на нее лиц, и ее уверенность испаряется с каждой секундой. Лишь отец подбадривающе кивает в ответ на ее слова. Остальные во всем своем множестве даже не шевелятся, и их лица ничего не выражают. Согласны ли они с тем, что она говорит? Они вообще ее понимают?

– Мы больше не можем считать инферналей нашими врагами. Некоторые из них действительно враждебны, но не все. И некоторые из них протягивают нам руку, предлагая мир.

В Новом Горизонте наших людей превращали в рабов, и освободила их не мощь Империи. Их освободил инферналь. Не Империя кормила, одевала и ухаживала за их ранами – это делал инферналь.

Я вновь отправляюсь на юг, чтобы навестить наших – чужих – людей. Но я не собираюсь вставать во главе армии, я пойду туда как друг.

Если мы хотим найти свое место в мире, то нам также необходимо измениться. Мы должны найти новый путь. Для этого я организовала собрание величайших вождей этой эпохи. Вместе мы найдем способ сотрудничать и сосуществовать. Оставим прошлое позади и создадим лучшее будущее для наших родных и друзей вместе.

Когда она заканчивает, не раздаются никаких аплодисментов, никакого намека на то, что толпа ее услышала.

Отец улыбается и щурит глаза от гордости.

Она думает, не отойти ли от сценария и не сказать ли еще что-нибудь, найти какой-либо способ достучаться до людей за бесчисленными непроницаемыми масками, добиться хоть какой-то реакции.

Меч в ее руках начинает гудеть.

Она бросает на него взгляд.

Он смотрит мимо нее, наверх.

Как и Покорность, отец и толпа.

Веспер вздрагивает: с неба на нее падают удлиняющиеся двойные тени. Между ней и солнцами, красным и золотым, движется что-то огромное.

Осознав, что происходит, собравшиеся дружно падают на колени, подобно волне костяшек домино.

Веспер нет нужды оборачиваться, чтобы понять, что происходит.

Но она все равно оборачивается.

Святылище Семи, куб сверкающего металла в милю шириной, поднимается еще выше. Медленно поворачиваясь по мере восхождения, закрывает солнца собой.

Все в смятении наблюдают за подъемом, ошеломленно раскрыв рты.

Из-под куба выглядывает сияющая кроваво-красная кривая, затем показывается вторая, золотая. Облака расходятся задолго до того, как куб их достигает, и кажется, что они почтительно перед ним расступаются.

Куб поднимается все выше.

Никто не осмеливается отвести взгляда. На кончике языка вертятся немые вопросы. Что это значит? Это знак триумфального возвращения Семи или намек на то, что худшее еще впереди?

Подобно шарiku на невидимой веревочке, необъятный куб продолжает подниматься прямо в небо, а затем уменьшается и становится серебряной луной посреди звезд.

Когда остается видна лишь сияющая точка на небе, внимание вновь переводится на верхние ступени. Веспер смотрит на океан лиц, облизывает внезапно пересохшие губы. Она понятия не имеет, что говорить. Чип не передает заранее заготовленной речи, и у нее нет понимания действий Семи.

Мучительно медленно тянутся секунды.

На лбу у Веспер проступает капелька пота и скатывается к уху.

Отец ей кивает, затем, через мгновение, поднимает брови и трижды вращает рукой.

Она открывает рот, делает вдох... а затем заговаривает Покорность.

– Люди Империи, услышьте меня. Ибо сегодня действительно великий день. Хранительница стоит перед нами и просит нас восстать, чтобы решить предстоящие трудности. И узрите! Семеро восстали, вдохновляя Своих людей. Ибо Они наблюдают за нами, и Они ожидают от нас лучшего. Мы не можем Их разочаровать. Идите, возвращайтесь к своим обязанностям и несите слово Хранительницы с собой, а благодать Семи – в своих сердцах, и помните, что Они наблюдают.

Ровными рядами толпа расходится. В ритмичных шагах чувствуется рвение.

Покорность поворачивается к Веспер.

– Кажется, Семеро более не желают, чтобы ты несла эту ношу одна.

– Это правда, – отвечает она, вынужденно улыбаясь. – Нам очень повезло.

Но меч в ее руках думает иначе, все еще пристально сверля небо тревожным взглядом.

* * *

Веспер встречает своего отца на окраине Сияющего Града. Впервые, после того как она пять лет назад вернулась из важного путешествия, они остаются наедине. У нее не сразу получается сопоставить того человека, что стоит перед ней, с образом в ее голове. Янтарные глаза остались теми же, но такое ощущение, что их переставили в другое, более молодое лицо. Прежде длинные волосы теперь коротко острижены, щетины больше нет. Хоть воротник и ослаблен, его одежда сидит идеально, а на плечах выткан знак принадлежности Крылатому Оку. Позаботились и о шрамах на голове. Они все еще видны у линии роста волос, но уже не так отчетливо. А еще он поправился.

– Ничего себе, – говорит она.

Он делает шаг вперед, и Веспер не замечает ни малейшего признака хромоты, а потом он ее обнимает и поднимает над землей, как делал раньше, в ее детстве.

На несколько волшебных мгновений все горести мира забываются, оставаясь за пределами объятий отца. Она горячо обнимает его в ответ.

Вдруг она подскакивает от почти человеческого крика. Его издает тот, кто также ждал, когда она вернется из города. Веспер расцветает. Козленок подрос, превратился в большого козла – и теперь, вместо того чтобы, как прежде, неистово носиться, горделиво гарцует. Если бляение козленка было милым и очаровательным, то издаваемые козлом звуки наводят ужас. Иногда это крик, иногда – практически вопль, не совсем козлиный, но и не до конца человеческий. Станный, страшный, не похожий ни на что звук. Лишь одна Веспер находит его чудесным.

Козел незамедлительно бросается к ней, у него уже текут слюнки.

Она не разочаровывает и сует ему в рот толстый жилистый побег.

– Ты сегодня великолепно выглядишь.

У козла загораются глаза, но непонятно – от еды или от комплимента. Челюсти принимаются за работу, и побег негодующе пищит. Веспер хихикает и треплет его за ухо. Козел скулит, и она медленно убирает руку назад, пока не нащупывает пальцами порванный край правого уха.

– И не волнуйся, я поговорю с этой тварью, когда мы вернемся домой. Она больше тебя не укусит.

Козел глядит на нее с несчастным видом.

Веспер отправляется в путь. Она разговаривает с отцом, размахивая руками, а козел, жуя, радостно скачет рядом. У нее за спиной, раскрыв глаз, висит меч, и пристально всматривается вдаль.

– То есть ты правда считаешь, что это была хорошая речь?

Отец кивает.

– Знаю, я спрашиваю тебя об этом уже в сотый раз, просто...

Он кладет ладонь ей на руку.

– Спасибо. А как ты думаешь, что значит возвращение Семи?

Отец пожимает плечами.

– Покорность говорит, что это знак их расположения. По крайней мере она приказала Рыцарю-Командору так всем говорить. Я вот не уверена. Когда я посмотрела наверх, то не почувствовала надежды, я ощутила... страх.

Отец хмурится и ничего не говорит.

Приближаясь к холму, Веспер замедляет ход. Она думала, что будет радоваться или, по крайней мере, немного волноваться, но на самом деле ей не хочется туда идти.

Десять лет прошло с тех пор, как она запечатала Разлом. Десять лет обновления, попыток возродить хотя бы что-то, что было потеряно во время войны с инферналями. За это время она выросла. Хотя Империя Крылатого Ока и поклоняется Семерым, эти бессмертные молчали с тех пор, как она родилась. Ее приказы, отдаваемые от Их имени, ныне являются тем орудием, которое создает будущее.

Последние пять лет она путешествовала по миру со своими рыцарями, Орденом Сломанных Клинков, встречалась с демонами, полукровками и людьми – руководителями всех мастей, которых объединили неудачи и лишения. Не все эти встречи были приятными, но при помощи уговоров, искренней вовлеченности и, когда необходимо, демонстрации силы ей удалось установить с большинством из них рабочие отношения.

Успех дома и за его пределами достигается медленно, но она уже близка, так близка к осуществлению своей мечты. И все же, вернувшись сюда, она чувствует, как ощущение триумфа угасает. Она долго отсутствовала и пренебрегала домашними делами, двигаясь к великой цели. Теперь ей предстоит встретиться с ними лицом к лицу.

Веспер чувствует, как что-то сдавливает ей плечо, поворачивается и видит обернувшееся вокруг него серебряное крылышко. Она ласково его гладит и улыбается.

Чем ближе она к дому, тем короче становится трава – видно, что здесь хорошо поработали козы. Они усеивают весь пейзаж – матово-белые и пестро-бурые точки на фоне зеленых лугов, маленькие и большие, почти двадцать поколений. Было время, когда Веспер знала каждую козу по имени. Это время осталось далеко в прошлом.

В поле зрения показываются два здания. Она восхищенно останавливается – так они изменились. Первое здание, дом, в котором она выросла, тоже вырос. Сбоку от него появилась кривобокая пристройка. Очевидно, что это не дело рук имперских инженеров. Каждый кирпич – плод ручного труда. Но в глазах у Веспера эти недостатки лишь добавляют очарования.

Она поворачивается к отцу.

– А ты не сидел сложа руки.

Он бросает взгляд на свое детище, затем вновь в смущении отворачивается и заходит в дом. Веспер не идет следом. Она еще не готова встретиться с тем, что ее там ожидает, пока надо немного погодить.

Второе здание, поменьше, служит складом и хлевом. Веспер направляется к нему, и козел сбавляет ход, все увеличивая расстояние между ними.

Внутри темно и душно от затхлости и застарелых запахов. Веспер вглядывается в тени, пока не различает в углу фигуру.

Хлопает ладонями по бедрам.

– Просыпайся, несчастная.

Медленно поднимается голова, дрожа на тощей шее. Темные глаза уже не столь остры, как прежде, но в них плещется точно такая же ненависть, как и всегда.

– Значит так, мне совершенно плевать, сколько тебе лет, но если ты не прекратишь кусаться, на жаркое тебя пустим, ясно?

Коза презрительно шурится.

– И на этот раз я не шучу. – Чтобы подчеркнуть серьезность своих намерений, Веспер грозит ей пальцем, а затем открывает сумку. – Но я принесла тебе вот это. Не знаю, зачем я вообще старалась, неблагодарная ты зверюга.

Веспер протягивает козе полоску кожи и гладит ее по голове. Коза обнюхивает подношение и начинает его жевать, изо всех сил делая вид, что не замечает ласки.

Девушка возвращается к дому и останавливается у двери. Поднимает руку, чтобы постучать, но неуверенно останавливается. Слышит доносящиеся изнутри звуки. Взрослые разговаривают, их голоса перебивает более высокий и юный голос. Крик? Это игра или спор?

У Веспера сжимается желудок, а рука остается висеть в воздухе.

За спиной открывается глаз, и крыло вновь сдавливает ей плечо. Даже не оборачиваясь, Веспер ощущает безмолвную поддержку меча.

– Ладно, – бурчит она. – Иду.

Стучит один раз – тихо, чтобы ее не услышали. Меч хмурится, и крыло сильнее сжимает плечо. Веспер стучит второй раз, уже громче.

С той стороны звуки затихают.

Она делает глубокий вдох, медленно выдыхает, открывает дверь и заходит внутрь.

Веспер быстро проходит по коридору. Со щемящей тоской смотрит на расставленные вокруг вещи, навевающие детские воспоминания, которые на поверку оказываются неточными. Шкафы не тех цветов, на стенах видна работа времени, и все кажется меньше, чем ей помнится.

Кроме кухни. Здесь пробили одну из стен, чтобы появилось место для нового стола, из-за которого на нее изумленно таращатся четыре лица.

Она машет и неловко улыбается.

– Привет.

Как один, они поднимаются, чтобы ее поприветствовать.

Сложно понять, кому первому уделить внимание. Прежде чем ей удастся это решить, Джем вскакивает на ноги и подходит к ней. Прижимается, целует ее, обнимает за плечи, руками чувствуя сопротивление меча.

Она едва успевает ощутить поцелуй или обрадоваться ему, как ее отстраняют.

Они изучают друг друга, замечая мелкие изменения. Они теперь одного роста, но она кажется выше, так как держится прямо, тогда как он сутулится. Его глаза остры, как и всегда, но под ними пролегли тени, свидетельство бессонных ночей. Плотное питание смягчило его черты, но улыбка осталась такой же дикой.

Глядя на его лицо, она не может сказать, агрессивная это улыбка или нет.

Не успевает один из них заговорить, как вмешивается другой голос.

– Веспер, это ты?

К ней осторожно тянется дядя Вред. Она сжимает его руку.

– Это я.

Они обнимаются, и пальцы Вреда ощупывают ее лицо, проносятся по щекам, переносице и лбу. Он довольно кивает.

– Новых шрамов нет. Это хорошо.

– Могу сказать то же самое о тебе.

Он хмыкает.

– Хорошо, что ты дома.

Вред изменился меньше остальных. Несколько морщин, причиной которых постоянный смех, несколько белых волосков. Радуюсь такому положению вещей, Веспер поворачивается к отцу и маленькой девочке рядом с ним.

Смотрит вниз.

Маленькое личико смотрит в ответ.

Темные кудряшки обрамляют распухшие глаза и грустно искривившиеся губы. Кожа девочки темнее, чем у Веспер, но светлее, чем у Джема. За прошедшие годы покрывающие ее тело спиральные полосы стали более отчетливыми, хотя Веспер надеялась, что будет наоборот. Именно поэтому ее дочь не подпускали к Сияющему Граду. Люди Империи Крылатого Ока не готовы мириться с настолько очевидными проявлениями скверны, даже такими незаметными. Мысленно она клянется, что изменит это.

Девочка нервно смотрит на отца Веспер.

– Привет, Рила, – произносит Веспер. – Это я, твоя мама. Я вернулась.

Наступает пауза. Отец успокаивающе кивает девочке и аккуратно подталкивает ее к Весперу.

Веспер опускается на колено и раскрывает руки.

– Все в порядке, я не кусаюсь.

Девочка идет вперед и дает матери себя обнять. Веспер задумывается: может, все не так плохо, как она боялась.

Всех передергивает – Рила начинает вопить. Вывернувшись и поднырнув под рукой Веспера, она уносится прочь. Крик взлетает по лестнице и затихает после хлопка двери наверху.

Веспер говорит в течение нескольких минут, разговором о важных вещах отгоняя мысль о том, что ее ребенок ее не принял. Постепенно она начинает воодушевленно размахивать руками. Трое мужчин слушают ее, сидя за столом: ее отец, ее дядя и ее возлюбленный.

Рила остается наверху. Иногда можно услышать, как она с визгами прыгает по комнате. Треск досок и звонкий смех становятся все громче.

Веспер пытается не обращать внимания, но ее правый глаз дергается в ответ на каждый новый звук.

– А это значит, – заключает Веспер, – что у нас будет место, где мы сможем встречаться и решать задачи, но, помимо того, мы научимся жить по-новому и, вместо того чтобы сразу затевать драку, будем начинать обсуждения и вести переговоры. – Очередной стук сверху заставляет ее поморщиться. – Где такие же дети, как Рила, смогут расти, не зная страха. – Она замолкает, но никто из мужчин не нарушает тишину. – Что думаете?

Она смотрит на каждого по очереди. Лицо Вреда выражает сложную гамму чувств – на нем поддержка переплетается с тревогой. Отец хмуро сверлит взглядом стол. Джем просто бесится.

Несколько ударов и окрик с небес не слишком-то снижают градус напряжения.

Вред наклоняется вперед и мягко говорит:

– Думаю, твоя задумка – это очень смелый ход.

– Но?

– Но я не уверен, что Империя к этому готова. Ты думала о том, как это навредит Риле? Веспер качает головой.

– Я это делаю для Рилы и таких, как она. Она не должна прятаться в тени только потому, что Империя слишком узколоба, чтобы принять изменения!

– Согласен, но ты рискуешь превратить ее в мишень.

– Но, дядя, когда ты прибыл в Сияющий Град, ты не прятался.

Вред печально улыбается.

– Это так, но я пришел по своей воле, и я знал, на что иду. И меня не принимали, покуда не очистили от скверны, но даже сейчас на меня налагается обязательство жить за пределами Сияющего Града.

– Так не должно быть. Я собираюсь это исправить.

– Люди Империи до сих пор следовали за тобой, потому что ты действовала постепенно, но вздумай ты напрямую отрицать закон Семерых... для нас для всех это боком выйдет.

Наступает неловкое молчание. Отец Веспера продолжает хмуро смотреть на стол.

– Мы видели, как поднимается куб, – произносит Джем. – Семеро что-нибудь сделали?

– Нет. Они просто улетели – может быть, в космос? Я не знаю, и, если честно, мне плевать. Мы и так ждали их достаточно долго.

– Что ты собираешься делать теперь?

Она озадаченно смотрит на него.

– То же, что собиралась делать и прежде. Если Семеро решат нам помочь, то, возможно, я вернусь и буду жить здесь. Пока этого не случилось, Империя нуждается в нас.

Джем сглатывает.

– Но... ты не боишься?

Она наклоняется ближе и берет его за руку.

– Разумеется, боюсь. Но это меня не остановит.

– Нас, – добавляет Вред. – Это не остановит нас. Мы вместе. Семья.

– Рада слышать. На самом деле это такое облегчение. Вряд ли мой план сработает без вас.

Вред улыбается.

– Звучит жутко.

Она улыбается в ответ.

– Я хочу, чтобы здесь вы направляли людей, точно так же, как вы направляли меня.

– Да какой из меня наставник!

– Да, но мне и не нужен наставник. Мне нужен кто-то, кто сможет им рассказать о жизни за морем. И я хочу, чтобы вы помогли им понять, что не все инферналы одинаковы. Именно об этом я и говорила в своей речи, но не думаю, что они понимают. Это слишком смело.

Вред задумчиво кивает.

– Будет непросто, но ничего, есть у меня кое-какие соображения. Толкну им парочку бак про то, где меня носило да что со мною бывало.

– Да, расскажи им о Вердигрисе и о Жестокой Судьбе.

– Ладно.

– О, а еще расскажи им об узурпетах и какую роль они там играют.

– Расскажу.

– А еще...

Вред смеется, и Веспер тут же присоединяется к нему. Затем они начинают вспоминать старые времена, накидывая друг другу имена. Веспер не замечает, как Джем выскальзывает из-за стола в другой конец кухни, чтобы налить себе чего-нибудь покрепче. Отец задремывает, и его глаза постепенно закрываются.

– А насчет Рилы – это ты не беспокойся, – добавляет Вред. – Обычно она так не безобразничает.

– Как-то это меня не очень утешает.

– Она привыкнет.

– Я... была как она? Расскажи, как было.

Вред качает головой.

– Нет, с тобой было проще. Но не волнуйся, у нее это пройдет. Думаю, она просто по тебе соскучилась.

– Забавный у нее способ это показывать.

– От любви люди порой каких только штук не выкидывают... – Он вежливо кашляет. – В толк не возьму, откуда Рила такого понабралась!

Джем прочищает горло, уже наполовину опустошив стакан.

– Когда ты уходишь?

– Скоро.

– И как долго тебя не будет на этот раз?

– Не знаю.

– Месяц? Шесть месяцев? – Его нижняя губа кривится. – Год? Еще пять лет?

– Я сказала, я не знаю.

– Вред прав, ты точно подвергнешь нас опасности. Сияющий Град нас ненавидит.

– Это бред.

– Именно поэтому Линзы за нами шпионят? Они, скорее всего, прослушивают нас прямо сейчас.

– Линзам нужно следить за целым миром. Да они едва ли знают о твоём существовании!

Джем осушает стакан и поднимается.

– Знакомые слова.

– Ты куда?

– Никуда. Если поменяешь решение, присоединяйся.

Веспер смаргивает слезы.

– Я должна это сделать, как ты не понимаешь?

– Да, – горько отвечает Джем. – Я понимаю.

Он выходит из кухни. Вскоре яростно хлопает входная дверь.

Ритмичный топот наверху обрывается громким ударом, короткой паузой, а затем пронзительным непрекращающимся плачем.

Отец Веспер смотрит в сторону источника звука, затем переводит взгляд на Веспер.

Она закрывает лицо руками.

– Не сейчас... не могу.

Вздыхнув, ее отец поднимается, коротко касается руки Вреда, обходит стол, дотрагивается до плеча Веспер и уходит.

Они слышат шаги по скрипучим ступеням, звук открывающейся и закрывающейся двери. Плач становится приглушенным, перемещается слева направо и постепенно затихает.

В наступившей тишине Вред произносит:

– Почему ты к ней не идешь? Она же по тебе соскучилась.

– Ладно. Но потом мне надо будет поговорить с Джемом, пока ничто не отвлекает. Мне нужно кое-что сказать ему наедине.

– Удачи.

Она поднимается по лестнице, мрачно кивая Вреду.

– Спасибо.

Почему-то необходимость успокаивать дочь изматывает ее куда сильнее, чем управление Империей. Веспер с радостью отдает Рилу отцу и выходит из дома.

Джема она находит у подножия холма. Он смотрит на Сияющий Град, и она вспоминает, как сама в свое время занималась тем же самым.

– Ну, поехали, – бормочет она мечу и потихоньку спускается вниз, пока не оказывается рядом.

– Привет. Не против, если я рядом постою?

Он сердито пожимает плечами.

– Послушай, – говорит она, снимая меч из-за спины и кладя его на землю. – Мне жаль, что меня не было рядом.

На его лице появляется виноватое выражение, и Джем опадает, как будто из него выкачали воздух.

– Ох, Весп, прости за то, что я там наговорил. С тех пор как мы узнали, что ты вернулась в Сияющий Град, я ждал, что ты придешь домой, и каждый раз не мог понять, почему тебя нет. Твердил себе, что ты появишься завтра или на следующий день, и ждал, что мы снова будем вместе. Веришь – нет, но я очень радовался. Строил планы, чем мы могли бы заняться.

А когда ты все-таки появилась, то сказала, что скоро опять уйдешь – едва вернувшись. Еще одно долгое путешествие за море. Я не мог поверить. И сорвался. – Он криво улыбается. – Но, полагаю, это ты поняла.

Она улыбается в ответ.

– Я догадалась.

– Меньше всего мне бы хотелось вновь тебя оттолкнуть.

– Знаю. Поэтому я здесь.

Он кивает, и его лицо наконец полностью расслабляется.

- Может, начнем заново? – спрашивает она. – Представим, что я только что вернулась.
- Давай.

Они беседуют, иногда соприкасаясь пальцами, проговаривают то, что их задело, пытаются нащупать верные решения. Когда солнца начинают садиться, разговор дается легче. Когда они вспоминают первые дни, проведенные вместе, то, разумеется, на них накатывает ностальгия. Они искренне смеются, и тут взгляд Джема становится серьезным.

- Я скучал.
- Я тоже.
- Ненавижу портить момент, – произносит Джем, – но нам нужно поговорить о Риле.
- Ладно. Сегодня с ней было трудно. Она всегда такая горластая?
- Да. Но это не ее вина, а твоего отца.
- Как это так?

– Во-первых, он слишком ее балует, а во-вторых, он спустит ей с рук и убийство. Если она надоедает или что-то ломает и я ее ругаю, он просто берет ее на руки и обнимает. Это серьезно подрывает мое положение. И он смотрит на меня этим своим взглядом, понимаешь, о чем я?

Она вздыхает.

- Понимаю, о чем ты.
- Как будто это я провинился.
- Ты пытался говорить с дядей Вредом?
- Да, но он ничем не лучше твоего отца. По большей части поведение Рилы его забавляет.

Они потакают ее выходкам и не позволяют мне с ней разобраться.

- Я поговорю с ними перед уходом, хорошо?
- Хорошо. Спасибо. Смотри, темнеет. Наверное, нам лучше вернуться в дом.
- Давай останемся еще ненадолго.
- Холодно.

Она берет его за руки.

- Но я ведь теплая, забыл?

В глазах у Джема загорается уже иная искра.

- Думаю, ты права, но прошло много времени. Мне нужно хорошенько напомнить.

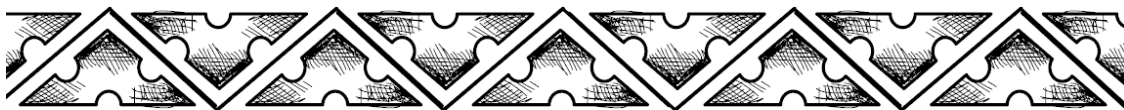
Вечер подходит ближе, скользит руками по его талии, целует его. Его ледяной нос упирается в ее теплую щеку, его руки останавливаются на ее бедрах.

Она вновь его целует, плотнее притягивая к себе.

Оказывается, что Джему не нужно никакого напоминания. В сущности, память служит ему верную службу. Несмотря на это или, вероятно, как раз поэтому они остаются там еще долго после захода солнц.

Глава вторая

На следующий день Веспер уходит. Отец наблюдает за тем, как она шагает к берегу, а рядом с ней – козел и ее личная стража рыцарей-серафимов, Орден Сломанных Клинков. Каждый из них предан Веспер, каждый находится в личном долгу перед ней. Их броня сияет на солнце, а гордость оттачивает движения.

Когда они становятся точкой на горизонте, он продолжает стоять, и даже когда эта точка полностью исчезает, он продолжает стоять.

Наконец, когда даже воспоминание о ней стирается, он вздыхает и возвращается в дом.

Сияющий Град возобновляет свою работу, его жители возвращаются к назначенным им делам. Но что-то изменилось, и даже в самых простых действиях теперь проскальзывает возбуждение. Статуи-близнецы Диады, что располагаются по обеим сторонам южной дороги, теперь очищены от грязи. Запущенные сады, что выются вокруг платиновых столпов, вновь подровнены и приведены в порядок. Начищены в очередной раз пуговицы, сильнее напряжены тела, распираемые тревогами и восторгом, что подпитывают их на пути к идеалу.

Не сговариваясь открыто, хоры детей собираются на дополнительные службы. Оруженосцы, тренируясь, еще суровее корят себя за каждую оплошность, а рыцари-наставники еще жестче их наказывают.

Спокойно течет работа, шепотом высказываются всевозможные предположения, и так проходят несколько дней.

Как и многие жители Сияющего Града, Рыцарь-Командор большую часть свободного времени проводит, устремив взгляд в небо. Иногда, по ночам, ему кажется, будто он видит святилище Семи, что стало новой звездой на небосклоне. Пока Хранительница меча Гаммы находится в далеком путешествии, а Покорность пребывает в молчаливой медитации вне пределов его досягаемости, именно на него возлагается обязанность подготовить Империю к тому, что ее ждет дальше.

То, что грядет какое-то изменение, – неоспоримо. Ему нравится думать, что возвращение Семи – это награда за их хорошую работу, что наконец он и его люди вновь заслужили благословение своих бессмертных стражей. Он делает все, чтобы подтвердить эту заслугу, и призывает людей работать больше, быть лучше, чем когда-либо прежде. Каждый день Сияющий Град держит себя, будто на параде, жители одеваются в самые нарядные облачения, целеустремленно движутся по сверкающим коридорам. Отдраен каждый уголок, вылизана каждая деталь, и всем, кто не соответствует высоким ожиданиям Рыцаря-Командора, поручаются задания, которые позволяют им держаться подальше от его взгляда.

Когда наконец звучит призыв, он готов, его броня начищена, а резервный взвод офицеров ждет его приказа, каким бы он ни был.

Линии света очерчивают в воздухе знакомый облик: перед ним возникает проекция Покорности. Несмотря на значимость этого события, выглядит она вполне повседневно, но он и не ожидает от нее каких-то изменений. Покорность ежедневно общается с Семерыми. Ее жизнь превратилась в цепочку исключительных происшествий, связанных друг с другом короткими паузами сна. То, что для них – чудо, для нее – обыденность.

– Здравствуй, Рыцарь-Командор.

Он ей салютует.

– Приветствую, Покорность.

– Не будь столь серьезен, старый друг. Возрадуйся. Ибо мы живем в славные времена. Семеро заговорили, Их свет вновь освещает нас, и мы были избраны орудием освобождения.

– Как я могу служить?

– Тебе предстоит снарядить флот во Их удовольствие и подготовить небесный дворец Альфы для путешествия. Собери их на южном побережье, на Грейспот-3.

– С вашего позволения, Грейспот-3 – это гражданский порт со сложным прошлым. Для такого исторического события лучше подойдет Скайлэндинг.

Она отвечает не сразу, и он не знает, размышляет она над его словами или просто плохо слышит из-за помех.

– Ты неправильно меня понял, Рыцарь-Командор. Это приказ, а не совет. В любом случае святилище уже начало снижение, а Альфа – полет. Пока мы разговариваем, Он приближается к тебе. Я рассчитываю, что к Его прибытию все будет готово.

– Он будет здесь? Сейчас? Не понимаю, как...

Но ее изображение уже погасло. Ругаясь, Рыцарь-Командор моргает, чтобы избавиться от впечатления сияющей картинки на сетчатке, и отрывисто начинает отдавать приказы.

* * *

Через несколько минут Рыцарь-Командор уже стоит у подножия серебряных ступеней. Где-то высоко наверху находится святилище Семи, а между ним и землей сквозь эфир проносятся Альфы.

Чтобы сюда добраться, Рыцарю-Командору пришлось перейти на бег, и теперь под броней он обливается потом. Позади него поспешно сформировалась линия рыцарей-серафимов, а несколько шеренг солдат мчатся занять свои места позади них. Он слышит последний громкий шаг, щелчок брони, и люди готовы. Наступает тишина.

Стоя идеально ровными рядами, они наблюдают за небом, чтобы не упустить первый знак прибытия Альфы.

Хоть Рыцарь-Командор и не движется, он шевелит губами, отдавая приказы по комму, координируя действия флота. Чтобы удовлетворить нужды Альфы, он собрал корабли со всей Империи, лишив защиты берег и ближайшие колонии.

Он проверяет, здесь ли отец Веспер, Защитник, в Сияющем ли Граде, но тот уже ушел. Рыцарь-Командор качает головой, ему дико такое поведение. Тут творится история, а он не желает разделить этот момент.

Увеличив изображение на визоре, он замечает наверху быстро растущую точку, и его сердце начинает колотиться сильнее. Он стоит неподвижно, но, несмотря на это, продолжает потеть.

В оставшиеся считанные секунды он раздумывает над наиболее уместным приветствием и размышляет, как ему продемонстрировать одновременно смирение и силу.

Альфа продолжает снижение.

Сквозь разум Рыцаря-Командора проносятся обрывочные мысли.

Может, мне следовало отправить небесный дворец Альфы сюда, а не посылать его в Грейспот-3.

Стоит ли спеть гимн в честь прибытия Альфы или следует молчать?

Не странно ли, что я не позвал жителей Империи, чтобы поприветствовать Его? Разумеется, лучше поприветствовать небольшой идеально подготовленной командой, чем боль-

шой и хаотичной толпой. Слишком много нужно было организовать в столь короткий срок. Так лучше. Уверен, так лучше.

Думаю, песня будет наиболее уместна. Да, так и есть, и запевалой должен стать я. В голове представляется картина: вот он запевает, вот его пение согласно подхватывает рыцарский хор... До чего приятно! И до чего правильно! Но какую песнь? – думает он.

Альфа уже близко, и его крылья крепко прижаты к бокам. Рыцарь-Командор делает вдох, все еще не зная, с какой ноты начать.

Он движется слишком быстро. В желудке начинает формироваться неприятное ощущение, чувство, будто что-то не так. Он не собирается останавливаться. Он собирается врезаться в нас. Это проверка? Проверка нашей стойкости?

В ушах ясно звучат слова Покорности – она предостерегает его от попытки предсказать действия Семи. Если бы Альфа был небесным кораблем или хотя бы птицей, тогда, вероятно, возникла бы опасность, что он не сможет остановиться вовремя. Но он значительно превосходит птицу или корабль, значительно превосходит всё, что может представить Рыцарь-Командор. Подавляя сомнения и предаваясь благоговению, Рыцарь-Командор начинает петь.

Без запинки, как будто не в первый раз, к нему присоединяются рыцари.

Альфа продолжает полет, ускоряется.

Он не собирается останавливаться! Он не собирается останавливаться!

Игнорируя все нарастающий ужас, Рыцарь-Командор продолжает петь, цепляясь за свою веру.

И наконец Альфа расправляет серебряные крылья и переходит от падения к скольжению, проносится над их головами, обрубаёт песню на полуслове, заставляет их замолчать и несется вперед, оставляя Рыцаря-Командора и его последователей позади.

Шеренга озадаченных лиц как по команде оборачивается вслед бессмертному.

– Сир? – спрашивает одна из рыцарей, и ее голос раздражающе дрожит. – Что это значит, сир?

Хороший вопрос, думает он. Что это значит?

– Летим, немедленно! – кричит он. – Куда бы Он ни направился, мы последуем за Ним.

Путь до посадочного столпа занимает слишком много времени. Путь в капсулах, которые возносят их на вершину столпа, занимает слишком много времени. Рыцарь-Командор едва ли не физически ощущает, как Альфа все больше удаляется. Он корит себя за то, что не предвидел этого. Каким же он был идиотом, если думал, что Семерым есть дело до каких-то там приветствий и парадов! Они выше этого. Альфа прибыл раньше остальных не без причины – он собирается совершить что-то на благо Империи. И хотя Рыцарь-Командор не в силах угадать, что именно, на него у бессмертного определенно имеются какие-то планы.

В его небесный корабль могут поместиться лишь несколько рыцарей-серафимов, остальным остается довольствоваться наземным транспортом.

Они мчатся на юг мимо аккуратно подстриженных холмов и рядов высоких прямых деревьев, которые с высоты выглядят как пересечения решетки.

Отчеты о местонахождении Альфы приходят по частям. Краткие визуальные наблюдения поступают прямо в ухо Рыцарю-Командору. Бессмертный летит по прямой, но когда его траекторию рисуют на карте, Рыцарь-Командор с изумлением понимает, что он направляется не к Грейспоту-3.

От одного из его солдат поступает сигнал.

– Докладывай.

– Он здесь, сир. Я Его вижу!

Рыцарь-Командор подтверждает местонахождение солдата. Маленькое поселение, известное его жителям как Усердие. Мало чем привлекательное. На самом деле оно не связано

ни с одним большим селением, из-за чего торговцам нелегко сюда добираться. Практически забытая глушь.

Может, для Альфы оно значит что-то большее? Может, это важное место, которым мы бездумно пренебрегли?

Он вновь обращается к солдату.

– Что Альфа делает?

– Кружит, сир.

– Просто кружит?

– Так точно, сир.

– Тогда стой на месте. Мы скоро будем. Держи меня в курсе любых изменений.

– Он что-то увидел, сир. Он... снижается.

Солдат запускает со своей позиции сигнальную ракету, и небесный корабль фокусируется на ней. Усердие – мрачная каменистая местность. Электростанции и основные места скопления народа располагаются под землей, как и половина домов, но за годы поселение расширилось, и теперь безыскусные пристройки выпирают прямоком из его стен. Каждая из них отличается некоторым своеобразием, а их количество указывает на то, что здесь живет куда больше людей, чем официально зарегистрировано.

Даже не будь сигнального огня, место приземления Альфы легко заметить. Круг выжженной травы обрамляет новую дыру в земле, новый вход в подземную сеть туннелей Усердия.

Приземлившись, они выпрыгивают из шлюза и мчатся к дыре. Земля у ее краев оказывается рыхлой, и не один рыцарь неуклюже шатается, пытаясь сохранить равновесие.

Воздух вокруг заряжен яростью, из-за чего дышать им становится трудно.

Неожиданно разволновавшись от того, что ему предстоит увидеть, Рыцарь-Командор заглядывает через край. Внизу он видит Альфу из Семерых. Сияет его обнаженный меч, и замирают последние отзвуки песни.

У ног бессмертного – кучка пепла, отдаленно напоминающая очертания тела.

Альфа поднимает руку. В ней – обычное черное забрало. Рыцарь-Командор видел его изображения и раньше. Обмундирование, которое предпочитает Первый – величайший и могущественнейший из оставшихся инферналей.

Он понимает, что смотрит Альфе прямоком в глаза. Они сини как небо, бездонны как горизонт. Когда Альфа говорит, каждое слово будто молотом вбивается в его грудь.

– Усердие осквернено.

– Мы немедленно эвакуируем деревню, уничтожим ее, очистим почву и отправим жителей в очистительные центры.

Кулак Альфы с треском сминает забрало.

– Уничтожить, да. Очистить, да. Но никого не отсылать.

Рыцарь-Командор сглатывает в ужасе. Буквально секунды назад он просматривал статистические данные о населении Усердия. Оно насчитывает сотни человек, а его жители наверняка консервативны. *Разумеется, большинство просто не в курсе? Разумеется, с Первым сотрудничали лишь единицы?*

Едва только подумав об этом, он обнажает меч. Его рыцари сделали это еще раньше. Поступить иначе было бы актом неповиновения.

Размышлять нет времени. Рыцари-серафимы начинают песнь, пробуждая мечи к жизни, и Усердие занимается огнем.

Отец Веспер кивает солдатам по пути из города. Бесконечная череда приветствий и ответов, кивков и вежливых улыбок. В последнее время они стали особенно отточены и утомительны в своей четкости.

Его губы движутся, беззвучно отсчитывая шаги до тех пор, пока он не оказывается далеко за пределами внешней стены. Затем он останавливается и с жадностью дергает воротник, ослабляя ремешки на броне.

За глубоким вдохом следует долгий выдох, и его тело, расслабляясь, падает.

Дальше он идет более спокойным шагом. В голове возникают всевозможные мысли, и в такт им он то сводит, то вскидывает брови, то вдруг чему-то улыбается.

Множество раз Рыцарь-Командор предлагал ему комнату в городе или передвижной дом, а он всегда отказывался. Рыцарь-Командор не понимает почему, но уважает такое решение из-за прошлых заслуг и репутации.

Отец Веспер замедляется, останавливается. Оглядывается через плечо, но ничего не видит. Затем постепенно, будто бы управляемая невидимой рукой, его голова поднимается к небу.

Он прикрывает глаза ладонью и щурится на свет закатных солнц. Далекая снижающаяся фигура едва различима, но явно приближается. Куб.

Святылище Семи возвращается.

Снижается оно как-то иначе, не так, как поднималось. Не быстрее, но куда более целенаправленно.

Он смотрит на него и мрачнеет с каждой секундой, несмотря на отсветы куба на своем лице.

Из-за которых он не сразу замечает движение на земле. Из Сияющего Града появляется другая фигура. Механическая металлическая змея, военная машина, перевозящая рыцарей-серафимов и солдат. Гусеничные колеса быстро несут ее по сельской местности по направлению к нему. К его дому.

Он прекращает смотреть, поворачивается и бежит.

За несколько миль от него на холме стоит Джем и держит у глаза подозрную трубу. В нее ему видны высокие платиновые колонны, увенчанные садами и овиваемые зелеными спиралями. Эти колонны отчетливо отмечают границу Сияющего Града. Другая граница, невидимая, идет по его периметру – жужжащее энергополе, отпугивающее инферналей. Джем безразличен как колонны, так и экран, его интерес лежит дальше. Но его попытки найти святылище Семи обречены на провал. Даже на максимальном приближении он не видит ничего, кроме слабого сияния.

Он начинает спускаться по холму, оставляя Вреда и Рилу дома. Дважды спотыкается на неровной земле, зацепившись взглядом за небо.

Наконец в поле его зрения попадает куб, а вместе с ним – что-то еще. Сначала он думает, что это птица, но она слишком близко к святылищу. И неправильной формы – куда больше любого дикого животного в этой части мира.

Один из Семи покинул святылище.

И летит к нему.

Прямо под ним, сохраняя скорость, ползет металлическая змея. С такого расстояния кажется, будто она скользит по холмам, словно лодка на волнах.

Джем чуть было не роняет трубу. Его охватывает страх, его старый друг, и крепко обнимает. У него есть лишь несколько секунд, чтобы что-то предпринять. Даже если они еще его не увидели, это лишь вопрос времени. Он оборачивается к дому, думает о Вреде и Риле. Страх сжимает еще крепче. Он ничего не может сделать. Если они увидят его – осудят и будут преследовать. Если они увидят Рилу... – он мотает головой, отгоняя эти мысли.

Страх не оставляет времени на раздумья. Таясь и передвигаясь между холмами, он направляется к своей цели. Не к Сияющему Граду и наступающим войскам, не домой, а прочь, к тайному заросшему деревьями месту.

Оттуда он, дрожа, наблюдает, спрятавшись среди листьев.

Его дочь в опасности. Он ей нужен! Порыв пойти к Риле обрывается другим, более зрым, более циничным. Он не успеет, и любой акт героизма равноценен гибели. Что может один человек против бессмертного и военной мощи Империи?

Ничего.

Однажды он восстал – ради матери, и годами за это расплачивался. Воспоминания все еще как нож остры. Джем обучился на своих ошибках, они его сформировали.

Но он нужен Риле!

Он качает головой, понимая, что не может пойти к ней, ненавидя себя за это. Лучше дожидаться подходящего времени. А если оно не настанет, лучше остаться в живых. Он повторяет эти слова вновь, тихо и с горечью, и заставляет себя их проглотить.

* * *

На серебряных крыльях парит Дельта из Семи. Последний раз она летала давно, слишком давно.

Позади нее, отражением, летит ее брат, Альфа. Он отдаляется от Дельты к берегу в поисках иной добычи.

Приказы отданы, достойные мобилизованы. Скоро начнется чистка. Мысль о ней висит в сознании Дельты тяжелым грузом. Ибо они сами виноваты так же, как и их народ.

Она не противится планам Альфы. Он – первый среди них, сильнейший, и она восхищается его целеустремленностью. И все же... ей бы хотелось, чтобы был другой способ восстановить идеальный замысел создателя.

Хоть она пробудилась и вновь действует, ее беспокойство никуда не делось, как и таящая в глубине печаль, с которой она жила и в первые дни существования мира.

На горизонте появляется жилище. Два уродливых, хаотично построенных дома. Ей не нравится. Почему сестра, точнее ее останки, предпочла находиться здесь, а не с ними?

Она приземляется, мягко касается ногами земли, сворачивает крылья за спиной, подобно плащу.

Безразлично оглядываясь на то, что попадает в поле ее зрения, но все же желая познать тайное очарование этого места, она осматривается по сторонам, пока ее пытаются нагнать ее рыцари – в шипящей змее за полторы мили отсюда.

У меньшего дома нет двери. Она приближается и понимает, что это – жилище для животных, ничего больше. Несмотря на просторность, здесь, видимо, живет только одна древняя коза.

Раздраженная вмешательством, коза смотрит на Дельту.

Взглядом холодным, будто бледные зимние тучи, Дельта смотрит на козу. Она видит утекающие силы и множество недостатков, но все они естественны. В животном нет ни капли скверны. Не она источник той неправильности, которую она ощущает поблизости.

Дельта уходит и направляется к главному дому.

Коза за ее спиной издевательски фыркает.

Дельта оставляет ее без внимания, привлеченная остаточным эхом сущности ее сестры. Металлические пальцы касаются неровной стены. Когда-то здесь был меч Гаммы. Она ощущает слабое чувство удовлетворения, покоя.

Она с жадностью, сполна отдается этому переживанию. Оно проходит очень быстро. И его оказывается недостаточно.

Она идет к двери и открывает ее.

Нарастает звук шагов и громкий высокий голос.

– Я кусачая коза! Мее! Мее! Кузь! Кузь!

В поле зрения появляется девочка. Непослушная, растрепанная, оскверненная.

Рука Дельты движется к живому мечу на поясе, хватая рукоять.

Девочка видит ее в дверном проеме, резко тормозит и ошарашенно замолкает.

Дельта чувствует сопротивление внутри себя, внутри меча. Она не может представить, чтобы Гамма позволила существовать этому оскверненному созданию. Она не видит в этом смысла.

Девочка вновь обретает голос и начинает кричать.

К ней медленно подходит мужчина и мягко с ней говорит:

– Все в порядке, Рила, все хорошо. Я тут.

Одной рукой он касается стены, находя по ней путь к плачущей девочке.

Дельта видит его покрытую рубцами сущность. Эхо скверны остается на ее краях – намек на что-то худшее, что было выжжено, что-то, что находилось там, где когда-то были его глаза.

Он замирает, наклоняет голову в ее сторону.

– Эй! Эй! Здесь кто-то есть?

Дельта не отвечает и сжимает рукоять меча. *Значит, ради этого Гамма презрела нашу любовь?*

– Я знаю, что ты здесь. Чего ты хочешь?

Качая головой, Дельта отворачивается.

Металлическая змея, скользя, останавливается неподалеку, выплевывая из открытой пасти рыцарей. Прежде чем начать выполнять приказы, они преклоняются, выжидая, пока она пройдет мимо. Она не заметила ничего, чтобы им препятствовать.

Рыцари направляются к дому, а она опускается на колени, подавленная горем.

Вскоре до ее ушей доносится разговор на повышенных тонах.

– Я не уйду! И не оставлю свой дом! Я прошел ваши испытания много лет назад и заслужил право здесь находиться.

Из-за шлема на голове ответ рыцаря звучит громче, чем обычно.

– Этот дом осквернен. Он будет очищен. Если вы не покинете его, то также подвергнетесь очистке.

– Свяжитесь с Хранительницей, она этого не потерпит!

– Хранительница во всем служит Семерым. Наши приказы исходят от Них напрямую. Снимайте одежду, отойдите от дома и немедленно доложите о повторном очищении.

– Просто свяжитесь с ней, пожалуйста.

– У вас есть шестьдесят секунд, чтобы убраться с дороги.

– Не делайте того, о чем пожалеете.

Дельта неохотно прислушивается к разговору.

– У вас пятьдесят секунд, отказ подчиниться будет расценен как неповиновение.

– Я не уйду. Если вы собираетесь причинить вред невинному ребенку, вам придется сперва разобраться со мной.

– Тридцать секунд.

– Подождите!

– Двадцать секунд.

Рыцари заряжают копья.

– Десять секунд.

По щеке Дельты скатывается каменная слеза.

* * *

Танцует пламя, отражаясь в янтарных, широко раскрытых от ужаса глазах. Он сбавляет шаг, смотря на открывшуюся картину. Увидев обуглившееся тело Вреда на пороге, замирает.

По изборожденным морщинами щекам падают крупные быстрые слезы. Рука цепляется за грудь. Он не издает ни звука, но его рот кривится от горя.

Его дом стал погребальным костром. Те, кого он любил, – пеплом. Он – снова Странником.

Но за треском пламени едва различимо слышится звук – голос, знакомый, плачущий.

Оскалившись и сжав кулаки, он вновь бежит, проносясь мимо стоящей на коленях фигуры, мимо круга рыцарей с выплывающими огонь копьями. Они предупредительно его окликают – но поздно, да и слишком уж они удивлены, чтобы его останавливать.

Он сворачивает у входа в дом, где огонь сильнее всего, и проникает внутрь через боковое окно. Кустарная столярка хоть раз в жизни оказывается полезной, и он всем телом целиком выбивает пластик из рамы.

Приземляется с тяжелым стуком. Дым уже заполнил комнату, придавая ей странный вид. Странник пригибается, закрывает рот и направляется вглубь дома.

Жар бьет со всех сторон, опаливая обнаженное тело, затрудняя дыхание.

Странник замирает, терпя боль, и прислушивается.

Подобный сирене голос доносится из кухни. Он идет на этот голос, пока не опускается на корточки у обеденного стола. Пригнувшись, встречается лицом к лицу с Рилой.

Девочка смотрит на него и бессвязно воет. Сопли смешиваются со слезами и копотью.

Странник поднимает палец, прикладывает к губам.

Все еще всхлипывая, она повторяет этот жест.

Странник кивает, осматривается, шурится сквозь дым, пока не находит то, что искал. Оставляя Рилу на месте, он снимает свой старый плащ с крючка и идет к баку с водой. Кашляя, пинает бак, затем снова и снова, пока тот не раскаляется. Когда выливается вода, он держит под ней свой плащ, переворачивает и вымачивает его, прежде чем помчаться обратно к дрожащей фигурке Рилы.

Ее почти не видно, так как дым опустился еще ниже. Она не двинулась с места и все еще крепко прижимает трясущийся палец к губам.

Он тянется вниз, хватая ее за руку и тащит к себе. В отчаянии она вертится, пытаясь прильнуть к нему, но, прежде чем ей удастся зацепиться, он оборачивает мокрый плащ вокруг ее головы и всего тела.

Рила делает вдох, но не кричит.

Поднимая ее на руки, Странник бежит к ближайшему окну. Он уже ничего не видит, дым заставляет его ориентироваться по памяти.

Память подводит его на один дюйм, и он больно врезается в стену, после чего выныривает из огня через разбитое пластик и выкатывается, весь в дыму, под последние вечерние лучи.

Мгновение он сидит на траве, тяжело дыша. Его броня почернела, но не лопнула, и она дымит, но не горит.

Сбрасывая плащ, он проверяет, дышит ли еще Рила. Дышит, прерывисто. Снова подхватывая ее, Странник бросается бежать.

Окружившие дом рыцари-серафимы видят его. По чипам передаются приказы, самые дальние рыцари начинают погоню, остальные – смыкают ряды, чтобы отрезать путь к бегству.

Ближайшая встает у него на пути.

– Мы тебе не враги, Защитник! Брось – а-а-а!

Его локоть врезается в ее шлем, и, пока женщина отступает, Странник оценивает ситуацию. Бежать некуда, союзников нет.

Он все равно бежит.

Рыцари вздевают копья, и справа от него пролетает огненный сгусток, заставляя повернуть налево, затем еще один – слева, пытаясь проткнуть его.

Пригибаясь и поднимая руку, он почти проходит под ним. Не обращая внимания на шипящий нагрудник, Странник ускоряется, пока не достигает сидящей на коленях Дельты.

Рыцари не осмеливаются стрелять в того, кто находится так близко к одной из Семерых. Они убирают копья и обнажают поющие мечи.

Воздух дрожит от внезапной песни, и Рила вздрагивает на руках у Странника, ужаленная этим звуком.

Пока рыцари их окружают, Странник бросает взгляд на преклонившую колени Дельту. Она, кажется, в беспамятстве, а у нее на лице застывает каменная слеза.

Он перехватывает Рилу и аккуратно наклоняется.

– Не подходи! – приказывает рыцарь. – Прикастись к Ней – грех!

Когда становится очевидно, что Странник их игнорирует, один из рыцарей, обнажив меч, приближается к нему.

Стиснув зубы, он хватается за рукоять меча Дельты.

Никакой реакции, даже боли.

Он вытаскивает меч Дельты, делает несколько взмахов и собирается голосом задать направление его мощи.

Рыцари замирают, ближайший ошеломленно отступает.

Но, в отличие от их мечей, меч Дельты не поет. Серебряные крылья плотно облегают его глаз, и тусклый клинок тяжело оттягивает руку.

Вскоре рыцарь опоминается и готовится напасть.

Странник хмурится, смотрит на меч, сильно трясет его. В ответ крылья сжимаются еще сильнее.

Времени больше нет, он парирует первую атаку, затем вторую, каждый удар отдается дрожью в руке. Лишь близость к Дельте держит рыцарей на расстоянии. Они до крайности осторожны, ибо страшатся причинить вред своей возлюбленной бессмертной.

Один из рыцарей сосредотачивает на себе внимание Странника, пока остальные всем скопом наступают сзади.

Он оборачивается через плечо, едва не пропустив следующий удар. Съезжает на одно колено после выпада, и Рила выскальзывает из его захвата, откатываясь в сторону.

Во время битвы рыцарь отступает на несколько шагов и заносит меч над телом Рилы. Остальные в готовности стоят позади него.

– Сдавайся, Защитник. Это твой последний шанс.

Странник перехватывает меч обеими руками и направляет его острие к шее Дельты.

Они замирают. Никто и помыслить не мог о таком святотатстве. Рыцари шепотом совещаются. Осмелится ли он? Сможет ли он причинить Дельте хоть какой-нибудь вред? Такого еще не бывало, и не существует протокола, согласно которому можно было бы что-то предпринимать.

Странник смотрит в глаза Риле, кивком подзывая ее.

Девочка молча встает.

Рыцари ошеломленно смотрят, как она минует их, волоча за собой старый плащ.

Достигнув Странника, Рила обнимает его за ногу.

Наступает пауза. Рыцари не осмеливаются атаковать, не осмеливаются отдать себе отчет в происходящем. Слишком напуганные, чтобы действовать, они лишь созерцают разворачивающееся на их глазах жуткое представление – при этом разворачивающееся в направлении, которого они не в силах предсказать.

Странник касается острием меча горла Дельты.

Слышится щелчок, затем он скользит лезвием вверх по ее шее, и ей приходится подняться на ноги.

Двое рыцарей закрывают глаза, пятеро начинают читать нараспев литанию Крылатого Ока.

На эфесе беспокойно расправляются серебряные крылья и широко раскрывается удивленный глаз.

В тот же самый момент открывает глаза Дельта – и ловит взгляд Странника, вынуждая его посмотреть на нее.

Дельта начинает тихо напевать. Ее меч подхватывает мелодию. Странник понимает, что у него начинают трястись руки. По всему телу блокируются мышцы, дрожа в такт с мелодией Дельты. Скованно, против своей воли, он встает на носки.

Дельта поднимает руку, и Странник открывает рот. Она тянется вглубь, нащупывая там старые шрамы. Как будто следуя за нотами, ее песня меняется, по мере того как она изучает эти линии и узнает историю отмеченного ими человека. Ее голос и ее меч теряют гармонию и начинают песнь скорби и боли. Воздух вокруг них темнеет, синеет и рискует вскоре заискриться, а затем гаснет, обнажая руку, и Дельта прикрывает глаза, а ее песня оборачивается едва ли не стоном.

Освобожденный, Странник валится на землю, хватаясь за горло.

Через пару мгновений его взгляд вновь приобретает осмысленность. Он видит, как Рила смотрит на него со смесью страха и надежды. Темноволосая, она как банный лист клеится к его ноге.

Он смотрит на нее, затем обнадеживающе кивает.

Вновь перехватывая меч одной рукой, другой он берет Дельту за предплечье и идет. Дельта не сопротивляется, позволяя себя вести.

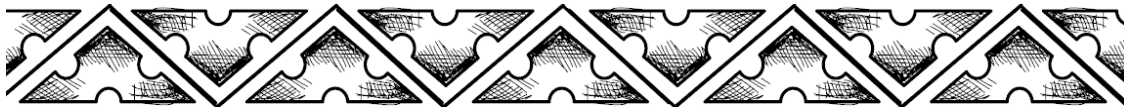
Странник двигается, хромая с утроенной силой, поскольку Рила все еще крепко держится за его ногу. При других обстоятельствах эта картина была бы забавной, но рыцарям не до смеху. Они уступают ему дорогу, и когда он мечом Дельты указывает отойти, подчиняются.

Дельту проводят в металлическую змею. Водитель выгнан. Рила отцеплена и пристегнута к одному из кресел в голове змеи. Странник сидит на другом. Смотрит на панель, хмурится.

Нажимает кнопку, тянет рычаг. Ничего. Проверяет другие варианты, с каждым движением все сильнее дергая и щелкая, пока наконец жужжание моторов не набирает обороты, и змея, отвернувшись от горящего дома и глазающих рыцарей, направляется к берегу.

Тысячу пятьдесят два года назад

Империя Крылатого Ока обладает неоспоримой властью. Великий механизм, состоящий из миллионов людей, машин и заряженного сущностью оружия. Его цель проста: защитить мир от инфернальной угрозы.

Империя готова исполнить свой долг. Кружат по орбите металлические сферы, отслеживая беспорядки, а у Линз, имперских наблюдателей, на воде и на суше разбросаны вечно бдительные агенты. Ежедневно тренируются легионы рыцарей, не позволяя притупляться ни оружию, ни чутью. Вместе с ними в качестве живых щитов тренируются и гармонизированные люди, чьи души были связаны, чтобы уметь эффективнее противостоять инфернальной одержимости. Маршируют армии солдат с сущностными ружьями и пусковыми установками, неусыпно патрулируя Брешь.

Но есть одна проблема.

Брешь все еще запечатана.

Массасси, единственная из всех, кто смог почувствовать угрозу, создала Империю Крылатого Ока в ответ на готовящееся вторжение. Но она слишком рано родилась и слишком быстро подготовила человечество к наступлению.

Пока ее верные слуги несут вахту, голоса из тени нашептывают иное. Они ставят под сомнение реальность угрозы и задаются вопросом, не лучше ли те нескончаемые ресурсы, которые тратятся на поддержание армии, направить в другое русло.

Она знает, что сейчас ей никто не осмелится противостоять, но когда ее не станет, это изменится. А Массасси уже чувствует, как на ней сказались годы борьбы, чувствует каждый удар уставшего сердца.

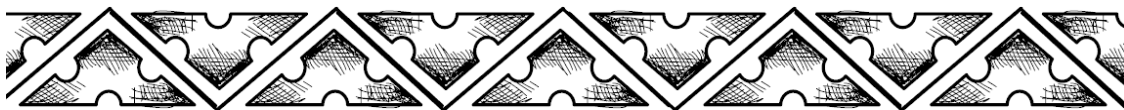
Несмотря на божественную силу, она стареет. Она умрет, ее кожа слезет с костей и истлеет задолго до того, как инфернали проторят себе путь в этот мир.

Но в нее заложено столько же механического, сколько и божественного. Империя – всего лишь сложное решение сложной проблемы. Она уже много раз ее преобразовывала, как только поступали новые данные. Здесь – то же самое. Если проблема эволюционирует, то и ее детище должно развиваться. Лишь политики и идиоты думают, что можно закончить дело или достичь совершенства. Массасси не принадлежит ни к тем ни к другим.

Оставляя мир в руках своих командиров, она возвращается в мастерскую, чтобы завершить последний проект.

Глава третья

Металлическая змея без труда движется по холмам, повторяя их изгибы. Сидя внутри ее головы, Странник со злостью переключает рычаги на панели управления, резко изменяя ее курс.

Он часто оглядывается через плечо, но Дельта из Семерых все той же безмятежной статуей неподвижно сидит позади. Ее меч – на полу, рядом со Странником. Клинок тоже молчит, плотно закрыв глаз.

В соседнем кресле тихо хлопает носом Рила. Пока он управляет механизмом, она пытается придвинуться к нему поближе, но ремни крепко удерживают девочку, пресекая эти попытки. По ее лицу пробегает туча, и Рила поднимает вопль.

Странник оглядывается на нее и прикладывает палец к губам.

Рила повторяет его жест.

Ее лицо смягчается, и он возвращается к управлению транспортом. Успокоившись, она переключает внимание на Странника. Ставит левую руку как он, пальцами накрывая воображаемые кнопки. Правой сжимает несуществующий рычаг. Выпрямляет спину, задирает подбородок и, еще раз сверившись с ним, хмурится.

Когда Странник начинает внимательно рассматривать проекционный экран, она наклоняется вперед, чтобы повторить его движение. Когда он опирается лбом на кулак, она копирует этот полный разочарования жест.

Странник этого не замечает.

Постепенно холмы уплощаются, и змея продолжает свой путь по равнинам среди деревьев, ровными рядами посаженных далеко друг от друга, с высоко растущими и едва различимыми, отбрасывающими тень ветвями.

Со стороны задней стенки раздается скрежет.

Странник тут же напрягается. Отстегивает удерживающие его ремни и поворачивается в кресле, держа одну руку на панели, а другой тянясь к мечу Дельты.

Глаза Рилы загораются новым знанием. Она жмет на центральную кнопку на груди, там, где пересекаются ремни, но ничего не происходит. Снова жмет, уже двумя пальцами, затем кулаком. С мягким щелчком ремни отстегиваются.

Снова скрежет. Он слышится близко и доносится из другой части змеи, где голова переходит в тело.

Странник поднимает меч Дельты и взглядом исследует пространство между тем местом, где сидит Дельта, и тем, где располагается чужак.

Щелчок, тихий выдох механизмов, и панель, отъехав, обнаруживает Джема. Его лицо и волосы залепаны грязью, но его самого, похоже, не коснулись ни меч, ни пламя.

– Это я! Это всего лишь я! Я был на выпасе с козами, как вдруг пришли рыцари. Когда вернулся, было уже... слишком поздно. Мне удалось пробраться сюда, пока они были заняты тобой.

Странник мгновение смотрит на него, затем снова опускает меч Дельты на пол.

Лицо Джема расходится в улыбке облегчения.

– Рила! Ты жива. Спасибо... – Он замечает Дельту и отпрыгивает обратно к стене. Когда он вновь заговаривает, его голос звучит куда тише.

– Это...

Странник кивает.

Секундой позже кивает и Рила.

– Но нельзя же просто так взять и забрать Ее! О чем ты думал?

Странник пожимает плечами.

Рила пожимает плечами.

– Что нам теперь делать?

Странник поднимает руку. У Джема кривится лицо: он видит, что Рила делает то же самое. Но, прежде чем ему удастся что-то сказать, его внимание привлекает нечто по ту сторону проекционного экрана за плечом Странника.

– Смотри!

Странник поворачивается к панели и видит, что они направляются прямоком к одной из великих колонн. Датчик сближения начинает пищать все громче, на экране истерично мигают цифры – они показывают расстояние и оставшееся до столкновения время. Он дергает рычаги, резко разворачивает змею направо, и пассажиров отбрасывает влево.

Лишь Дельта не двигается, ее покой не нарушен. Джема откидывает к противоположной стене, а Рилу и Странника выбрасывает из сидений.

Плоть с музыкальным стуком сталкивается с твердой поверхностью.

Пока люди приходят в себя, металлическая змея продолжает поворачивать направо, пока не видит конец собственного хвоста и не начинает нарезать круги по бурой грязи, вспаханной ею же самой.

Странник втаскивает себя обратно в кресло, одной рукой зажимая новую шишку на голове, другой – хватаясь за рычаг и вновь выравнивая змею.

Джем тоже поднимается и идет к свернувшейся на полу Риле.

– Все в порядке, – говорит он, поднимая ее на руки. – Все в порядке. Ох, бедный ребенок.

Она начинает плакать, и Джем крепче ее обнимает.

– Ты ранена? Что-нибудь болит?

Рила моргает, смотрит на Странника, затем делает глубокий вдох. Морщится, выдавливает одну слезу и усилием воли подавляет остальные.

– Рила? – спрашивает Джем. – Ты в порядке?

Она кивает.

– Где-нибудь болит?

Она мотает головой, и Джем сажает ее в пустое кресло. Фиксируя Рилу на сиденье, бросает взгляд на Странника и бормочет:

– Надо было ее пристегнуть.

Странник открывает рот, чтобы возразить, но ничего не говорит.

Змея едет дальше, освещая глазами темноту. На проекционном экране зеленые линии обрисовывают подробности, невидимые слабому глазу человека. Перепады рельефа, очертания деревьев и линию на горизонте, обозначающую море.

В отличие от большинства жителей Империи Крылатого Ока, ни у кого из пассажиров змеи нет работающего чипа. У Странника его никогда и не было, как и у Рилы. У Джема есть, но это – плохо сделанная реплика чипов обитателей Сияющего Града. Он сбоил уже несколько лет, а теперь и вовсе превратился в бессмысленную шишку, засоряющую мозг. Поэтому никто из них не слышит трансляцию.

Кроме Дельты. Ей не нужен никакой переводящий чип. Она все слышит, все понимает. Ее голова клонится на одну сторону, ее рот открывается: «Покорность». Даже когда бессмертная говорит, ее голос резонирует, заполняя тесное пространство и заряжая воздух.

Люди замирают от его красоты.

Текучим движением Дельта поднимается на ноги.

– Я здесь, – говорит она. – Точно здесь.

Будто в ответ на экране загораются новые огни, и наверху проступает рябь от разрезающего ткань неба корабля.

Он нагоняет металлическую змею и зависает прямо над ней.

Странник тычет в Джема, потом указывает на турель на спине у змеи.

– Я туда не пойду! Это самоубийство.

Странник снова указывает на турель, Рила повторяет.

– Я не могу. Я не умею.

Странник вздыхает и ускоряет змею.

Небесный корабль без всякого труда приспособливается к новому темпу.

На экране вспыхивает предупреждение: приближается какой-то объект. Прежде чем Странник успевает отреагировать, сверху раздается стук – на крышу змеи что-то приземляется.

Над их головами образуется заплатка шириной с ладонь взрослого человека, сияя красным, затем белым – так ярко, что всем, кроме Дельты, приходится отвернуться.

Когда свет гаснет, становится видно отверстие – достаточно широкое, чтобы в него прошла сфера. Она откатывается на несколько дюймов, останавливается ровно в центре кабины, а затем из каждой ее точки выстреливают лазеры, опутывая решетками зеленого цвета все находящиеся внутри объекты, картируя их и подсвечивая.

Странник бросает панель управления змеей и хватает меч Дельты. Решетка на его лице меняет цвет на красный, как и на лицах Джема и Рилы, а у Дельты остается зеленой, яркой, безопасной.

Странник поднимает меч Дельты, и тогда квадратные ячейки решетки заполняются различными цветами, маркируя местонахождение главных органов.

Он пытается петь, поднимая клинок, но с губ не срывается ни единого звука, и меч не просыпается. С тупым звуком клинок ударяется о сферу.

Лазерные решетки подвисают, жужжат и возвращаются к жизни.

На панели управления вновь пищат датчики сближения. Никто не обращает на них никакого внимания.

Странник снова бьет сферу.

От удара меч Дельты просыпается. Пытается вновь закрыть глаз, но у Странника иные планы. Напевая, он бьет сферу, и на этот раз меч реагирует, и звук наполняет клинок, и тот, искрясь, аккуратно разрезает сферу пополам.

Решетки тут же исчезают.

Странник тычет пальцем в Джема, затем в панель.

– Но я... – начинает Джем, однако, встретившись взглядом со Странником, замолкает. Он идет к панели и безрезультатно тыкает в кнопки, а Странник тем временем углубляется дальше в живот змеи.

Странник доходит до лестницы и забирается на турель. Купол из пластика, который обычно ее накрывает, сейчас представляет собой не что иное, как разбросанные у ее основания осколки, а дула превратились в обрезанные трубы. Осматривая змею, Странник замечает клубы дыма там, где располагается другое оружие. Этот дым окутывает зубы змеи.

Небесный корабль над его головой идет на снижение, он так близко, что можно увидеть высовывающиеся из люков фигуры – они готовятся к прыжку.

Делая вдох, чтобы запеть, Странник проверяет меч Дельты. Поняв, что сейчас произойдет, меч крепко зажмуривает глаз. Странник бьет оружием по турели, пока тот снова не прозревает, и грозит ему пальцем.

Глаз на эфесе дрожит, но все-таки не закрывается.

Странник вновь делает вдох и запекает, высоко держа клинок в выпрямленной руке. Меч Дельты поет вместе с ним, и воздух вокруг вспыхивает голубым, обнажая силу песни, которая

распространяется за пределы металлической оболочки и нарастает до тех пор, пока не доходит до одного из световых двигателей на крыле небесного корабля.

Раздается приглушенный взрыв, за которым следует визг: это отказывает двигатель, и корабль круто заваливается влево, сбрасывая человеческий груз на землю. Странник наблюдает за их недолгим совместным падением и тем, как они уже по отдельности подсакивают и раскатываются в разные стороны по приземлению. Небесный корабль подпрыгивает всего лишь раз, а затем полностью затихает.

Довольный проделанной работой, он спускается обратно.

Джем радостно оставляет панель управления и перемещается за кресло Рилы.

Странник бросает меч Дельты, который с лязгом падает на пол, и хмуро смотрит на новые предупреждающие сигналы на мониторе. Картинка на экране потеряла приближение, и теперь ему приходится шуриться в пластик, чтобы хоть что-то увидеть в темноте. Пожав плечами, он берется за рычаг и передвигает его максимально вперед.

Дельта продолжает вглядываться в дыру на потолке. Она говорит так тихо, что ее едва слышно.

– Покорность, куда ты пропала?

Прежде чем закрыться, глаз на мече бросает на нее виноватый взгляд.

Губы Дельты снова шевелятся, на этот раз беззвучно: «Покорность?»

Рыцарь-Командор стоит на краю скалы, позади него в готовности выстроились рыцари и солдаты. Внизу простирается Грейспот-3 с его ветхими постройками. Он видит металлический настил, ведущий в убежище под горами. Видит здания, подмечая, сколько из них были возведены без разрешения и не по правилам. Они найдут тут множество неугодных, изгоев, что действуют вне рамок имперского закона – оскверненные души, что суть преступники и враги.

В невольном отвлечении он качает головой. Он не осознавал, насколько плохи дела, хотя он уверен, что Линзы в курсе, а значит, в курсе и Покорность. Если Первый осмеливается ходить по их землям, какие же еще кошмары их здесь ожидают? Почему это терпели так долго? И, главное: *почему она мне не говорила?*

На границе Грейспота-3 он замечает доки, а за ними – прибывающую армаду Империи Крылатого Ока. Она образует плавучую стену, что отрезает любую возможность сбежать по морю, точно так же, как он с его армией блокируют скальные тропы, запечатывая порт.

На него падает тень, и он поднимает взгляд. Явился небесный дворец Альфы. Эта не поддающаяся объяснению, идущая вразрез с законами физики платформа сейчас парит над его головой. Он не слышит рева огромного светового двигателя, поскольку этот звук – вне диапазона смертных ушей, но он его ощущает, и волосы на руках и на загривке встают дыбом. Он восхищен величием дворца – очередного чуда, подобного которому не видели со времен великого исхода Гаммы.

Где-то внутри него находятся Бета, Эпсилон, Тета и Эта из Семерых. С ними Покорность. В глаза бросается отсутствие Дельты. Он слышал, что у нее дела на материке, но Покорность, как обычно, не привнесла ясности в вопрос.

Альфа уже спустился на землю. Вместе со своими отрядами отбивая четкий ритм по металлическому настилу, Рыцарь-Командор видит, как бессмертный перемещается от дома к дому. Рыцари-серафимы не могут за ним угнаться и вынуждены ускориться, чтобы поравняться с гигантскими шагами Альфы.

Достигнув подножия скал, Рыцарь-Командор видит, как людей вытаскивают из их домов, сгоняют в кучу и ставят на колени.

Он поднимает руку, и отряды тотчас же замирают – их дисциплина безупречна. Рыцарь-Командор облегченно вздыхает. Под взором Семи ошибки недопустимы.

К нему подбегает рыцарь-серафим и отдает честь.

– Докладывай.

Рыцарь показывает на стоящих на коленях горожан.

– Альфа говорит, что этих следует пощадить.

Рыцарь-Командор производит быстрый счет по головам. Его чип подтверждает полученные цифры, а сам он тем временем пытается не обращать внимания на их мольбы о помощи, об утешении, о каком-либо признании. Здесь сто тридцать человек, менее одного процента от населения Грейспота-3.

– Ясно.

– Что нам делать, сир?

Его голос дрожит. Рыцарь юн, едва ли старше оруженосца. Он еще не видел битвы – впрочем, как и Рыцарь-Командор в его возрасте.

– То же, что мы делаем всегда, получив приказ. Мы его исполняем. – Он слегка поворачивает голову, по комму обращаясь к далеко находящимся офицерам. – Приказ капитанам: оцепить порт по периметру. Никто и ничто не должно проскользнуть незамеченным, ясно?

Внутри шлема раздается хор подтверждений.

Рыцари образуют строй, в готовности обнажают копья, устремляют взгляд на командира в ожидании приказа.

В груди у Рыцаря-Командора загорается искра сомнения. Он задумывается, действительно ли они собираются уничтожить целый порт. *Это какая-то проверка? Мы ведь можем спасти гораздо больше людей... Даже оскверненных можно очистить.*

Сомнение оборачивается страхом, когда свой взгляд на него переводит Альфа. Если он сейчас же, немедленно, не исполнит приказ, его осудят и признают неблагонадежным. Возможно, это уже свершилось.

Рыцарь-Командор сглатывает пересохшим горлом.

Отдает приказ.

Рыцари выравнивают копья.

К этому моменту жители Грейспота-3 успели осознать, что грядет. Те, у кого есть оружие, хватаются за него. Те, у кого нет, прячутся. Несмотря на отсутствие времени и согласованности, в городе быстро формируется очаг сопротивления. Дома становятся бункерами, окна – амбразурами. Те, у кого нет привычного огнестрельного оружия, кидаются всем, что попадется под руку.

Это быстрая и решительная реакция.

Из рыцарских копий вырывается огонь – разрушительная волна, поджигающая здания и людей. Мятежники дают ответный огонь, но уже не так решительно.

Атака повторяется трижды, и с каждым разом сопротивление слабеет. А затем Альфа запекает. Долгая, высокая нота кажется бесконечной.

Глаз Рыцаря-Командора разрывается от мигрени, эта внезапная боль заставляет его сбросить прицел. Остальные рыцари тоже страдают и опускают мечи. Далеко позади солдаты полностью прекращают стрельбу.

В одном из домов раздается крик полукровки. В ней не так много скверны, и та не на поверхности. Но под кожей, вибрируя, воспаляется кровь. Подобные крики доносятся из разных частей порта, а посреди этой какофонии по-прежнему держит ноту Альфа.

Рыцарь-Командор не знает, сколько еще выдержит, и не уверен, не является ли сам целью песни Альфы. Мятежники больше не стреляют: руками приходится затыкать уши или вытирать текущую из носа кровь, где тут еще удерживать оружие?

Через три улицы на крыше стоит одинокая фигура женщины. Ее одежда износилась и выцвела, но что-то в ее осанке выдает привычку командовать. Хотя звук и действует на нее так же, как и на остальных, она находит в себе силы устоять. В руке у нее пращомет, который она направляет на Альфу, взяв на прицел его серебристое лицо, и стреляет.

Единственный выстрел в гигантскую фигуру. На мгновение все внимание приковывается к снаряду, солдаты и горожане забывают о боли, в изумлении глаза на невозможную атаку.

Рыцарь-Командор не может поверить своим глазам. У него есть время осознать, что выстрел женщины и правда произошел, задаться вопросом, что ему делать, если Альфа падет, но времени найти ответ у него нет.

На крылатом эфесе меча Альфы располагается глаз. Он следит за приближающимся снарядом. Рыцарь-Командор не может сказать, меч ли управляет рукой, или рука – мечом, но через мгновение клинок уже обнажен, еще через одно – по дуге отбивает летящий с неба снаряд.

Альфа прерывает песнь, и три глаза обращаются к женщине на крыше. Меч бессмертного указывает в ее направлении, и Рыцарь-Командор видит, как она поворачивается, прыгивает вниз и пытается укрыться за домом.

Альфа берет вторую ноту, и на мгновение мир загорается так ярко, что зрение не справляется, и Рыцарю-Командору приходится закрыть лицо, чтобы защититься от палящего голубого света. Когда он вновь открывает глаза, то не находит уже ни дома, ни женщины, ни сопротивления. Лишь горстку пепла, развеивающуюся на ветру.

Альфа движется к следующему дому, Рыцарь-Командор выкрикивает приказы, мобилизуя войска. Рыцари и солдаты вновь стреляют, и на этот раз мятежники не отвечают встречным огнем.

Проходят часы, в течение которых металлическая змея продолжает ползти к берегу. Несмотря на свои размеры, движется она быстро. На резких поворотах из разбитых турелей валит дым, а гусеничные ленты легко справляются с неровным рельефом.

Дельта из Семерых моргает, отвлекаясь от воспоминаний. Она уже долгое время впиивается глазами в маленькую дырку в потолке обшивки, ожидая появления Покорности. Но Покорность не явилась. Братья и сестры ожидают ее возвращения. Альфа будет недоволен ее задержкой. Эта мысль беспокоит Дельту, ибо она всегда пыталась жить в гармонии с остальными и гордилась этим.

Она понимает, что никакой помощи не предвидится и что ей самой следует принять меры. Но какие? Нужно больше информации.

Она смотрит на людей, которые делят с ней кабину.

Ребенок, Рила, беспокойно спит. Предназначенные для взрослого человека ремни впииваются в ее тело ниже подбородка. Ее сны отражаются в глазах Дельты. Она заперта в ловушке горящего дома, и сквозь окна на нее смотрят лица за заборами, блокируя выход.

Изучая ее сущность, Дельта находит мало поводов для радости, и близость скверны, пусть и столь незначительной, ей неприятна.

Младший из мужчин, Джем, смотрит на нее. Он боится. Правильно боится. Она видит производимые в его жалком мозгу расчеты, видит сеть мелкой лжи, что пронизывает его суть, а под ними – тяжкую горечь и сожаление, которым не может не сочувствовать. Но самое главное – она видит, что он осквернен, испорчен после многих лет inferнальной близости.

Второй мужчина, тот, что когда-то носил меч Гаммы, а теперь посмел притронуться к ее, Дельты, клинку, не осквернен. Хотя его легко читать, поскольку он типичный представитель этого вида, она не понимает, куда его отнести. Он будто запасная деталь, оставшаяся после завершения строительства. У нее есть соблазн оставить его рядом с собой, просто на всякий случай, но на самом деле в нем нет нужды. Она коротко задерживается на его недавнем горе, видит, что оно угрожает поглотить мужчину, но адреналин, страх и сиюминутные задачи пока что сдерживают эту волну.

Дельта знает, чего от нее ожидают. Она закрывает глаза и представляет Альфу, отдающего приказ. Как легко рисовать в воображении брата, как будто он здесь и требует их уничтожения!

Она разжимает руку, поворачиваясь туда, где располагается ее меч. Тот лежит рядом с креслом Странника и прикидывается спящим. Он не отвечает на ее призывы. Она подумывает взять его в руки. Разумеется, никто из находящихся здесь людей не в силах ее остановить. И все же она его не берет.

Даже чувствуя ярость от того, что клинок ей не отвечает, Дельта понимает, что она этого и не хочет. Дельта всегда жила со внутренней усталостью, и желания сражаться у нее немного. Она покинула святилище не для того, чтобы замарать руки кровью. Она покинула его, чтобы навестить сестру, чтобы понять, почему последний осколок Гаммы ведет себя именно так.

Она говорит себе, что эти люди недостойны ее гнева. Говорит, что Империя ее заберет, это всего лишь вопрос времени, поэтому пытаться сбежать – бессмысленно. Говорит, что она выбирает ожидание, так как оно ей к лицу.

А затем, поскольку так проще и привычнее, садится и закрывает глаза.

Оба солнца стоят в небе, отбрасывая сияющие лучи на поверхность моря. Вокруг видна исключительно вода, от непрерывной линии на горизонте до разбивающихся о берег волн.

На протяжении сумерек и раннего утра металлическая змея неумоимо продолжает свой путь. Редеющий дым течет из разбитых турелей, но, несмотря на понесенный ущерб, движется она так же быстро, как и раньше.

Джем встает рядом с сидящим в кресле Странником. Смотрит на спящую под ремнями Рилу и понижает голос.

– Хорошо идем.

Странник сперва не осознает его слов, обращенный мыслями к прошлому, к тому, что потеряно. Снова фокусирует янтарные глаза. Смаргивает слезы, кивает.

– Как думаешь, мы сумеем добраться до Веспер раньше них?

Странник пожимает плечами, и Джем смотрит мимо него на их цель.

Впереди раскинулся порт, но не та огромная северная морская база, которую ожидает увидеть Джем.

– Я думал, ты повезешь нас к Скайлэндингу.

Он наклоняется и щурит глаза, пытаясь распознать ориентиры.

– И это не Северное Крыло. Где мы?

Странник показывает на навком и пожимает плечами.

– Не знаешь? – недоверчиво спрашивает Джем. Дисплей поврежден, но ему удастся различить достаточно деталей, чтобы понять их местоположение.

– Он нас ведет к Грейспоту-3, да? Но Веспер отправится к Горну. Мы должны ехать в Скайлэндинг, это самый быстрый путь.

Странник указывает назад, туда, где сидит Дельта, и качает головой.

Он представляет, как радушно их бы приняли вооруженные силы Скайлэндинга или Северного Крыла, и меняет свое мнение.

– Ладно, ты прав, но мы не можем доставить Рилу в Грейспот-3. Там небезопасно. Там полно беженцев и изгнанников из Сияющего Града. Ради солнц, до меня даже дошли слухи, что там ведут торговлю кочевники Первого!

Рила потягивается и зевает, и что бы ни собирался сказать Джем, он это проглатывает.

Странник аккуратно отводит рычаг, и металлическая змея замедляет движение. Он трет покрасневшие глаза, затем кладет руки на панель управления. Наступает пауза, достаточная, чтобы сделать вдох-выдох, а затем он с силой выдергивает себя из кресла.

Джем собирается расстегнуть ремни Рилы, но она уже встала, и он видит ее нахмуренное личико.

– Что случилось?

Рила мрачно на него смотрит, но ничего не говорит.

Странник поднимает с пола меч Дельты и открывает люк. Раздается шипение, и в душное помещение врывается поток свежего воздуха.

Джем идет к Страннику, задвигая Рилу за спину. Наклоняется ближе.

– Что насчет Нее?

Мужчины смотрят на Дельту. Даже если она об этом знает, то не подает вида.

– Может, нам просто оставить Ее здесь?

На мгновение Странник задумывается, кивает и делает шаг к Дельте.

– Что ты... Ладно, мне лучше не знать. – Джем отступает к открытому люку. – Прежде чем ты что-нибудь сделаешь, я лучше спущусь. – Он смотрит вниз и быстро добавляет: – Чтобы обезопасить Рилу.

Странник кивает.

Джем подталкивает Рилу к люку и, прежде чем последовать за ней, быстро оборачивается.

– Что бы ты ни собирался делать, будь осторожен.

Странник поднимает бровь.

Оставшись в одиночестве, если не считать Дельты, Странник как будто сдувается, тяжесть недавних событий опускается на его плечи подобно плащу. Он щиплет себя за переносицу, трет уставшие глаза и идет к Дельте.

Тихо и аккуратно встает на колени напротив нее. Его макушка едва достает ей до плеч.

Она не шевелится.

С поклоном он возвращает ей меч, кладя клинок к ее ногам. Поднимает взгляд, но ее глаза остаются закрыты. Ни меч, ни бессмертная никак не показывают, что заметили друг друга. Странник медленно встает и быстро уходит не оборачиваясь.

Джем и Рила ждут снаружи. Втроем они направляются к краю скалы. Здесь, наверху, они как на ладони, ветер бросается на них, играя с волосами и препятствуя разговорам. Курящийся на другой стороне дым испаряется, едва поднявшись чуть выше уровня земли.

Странник видит дым и хмурится еще сильнее.

– Мне это не нравится, – бормочет Джем.

Они приближаются к краю, сражаясь с ветром, чтобы сохранить равновесие. Джем держит Рилу за одну руку, Странник – за другую.

Медленно, дюйм за дюймом, показывается Грейспот-3. Внизу тлеют дома, пылая красным, будто россыпь умирающих звезд. Джем достает свой старый потертый визор. Он видит подробности, без которых мог бы и обойтись, – кучу наваленных друг на друга тел с неестественно вывернутыми почерневшими конечностями. Разрушенные здания и подорванные улицы.

Странник отбирает у него трубу и, глядя на открывшуюся картину, сжимает челюсти.

У Рилы труба воображаемая, но мрачное выражение на ее лице все равно выглядит убедительно.

– О нет, – произносит Джем, кладя руку Страннику на плечо.

Тот оборачивается, и Джем указывает на металлическую змею.

– Смотри!

Между ними и машиной стоит Дельта из Семерых. Она смотрит на них с непроницаемым выражением на лице. Ее серебристая рука покоится на эфесе меча.

– И что нам теперь делать? – спрашивает Джем.

Странник смотрит вниз с обрыва. Путь, что ведет по каменному склону вниз, относительно неплохо сохранился. Он бежит к ближайшей платформе, заталкивая Рилу за спину, а Джема – за Рилу.

– Но, – протестует Джем, – ведь нам нельзя вниз!

Странник не обращает внимания на его слова, и когда Джем вновь оборачивается и видит, что Дельта уже начала преследование, все его возражения затухают на корню.

Ржавые мостки гремят на каждом шагу. Их покрытие маскирует более глубокие повреждения. Из-за взрывов от этой части скалы откололись целые куски, а на металлической решетке запеклась кровь. Но тел тут нет. Их уже унесли, чтобы сжечь на погребальных кострах в порту. Когда они минуют следы худших повреждений, мостки опасно наклоняются. Четыре основные опоры обрушились, и теперь сооружение держится на силовых кабелях.

Странник останавливается.

Рила останавливается.

– Вперед, – торопит Джем.

Странник смотрит вниз, тут же поднимает взгляд наверх и прислоняется спиной к скале.

– Знаешь, как говорят – никогда не смотри вни... Нет! Не смотри, Рила! Я сказал, не смотри!

Девочка начинает шататься и съезжать в сторону. Мужчины вытягивают ее, схватив за руки. Следует долгий скрип: кабели пытаются приспособиться к изменяющемуся центру тяжести.

Они замирают, цепляясь за скалу и друг за друга, пока настил не останавливается.

Джем отмирает первым, побуждая к действиям остальных.

Они зигзагом идут вниз по склону. Где-то через три четверти пути один из кабелей лопается.

Настил тут же кренится, но оставшиеся кабели его удерживают.

Пока трое прокладывают себе путь вниз, крен мостков становится все более заметным, и настилы медленно уступают гравитации. Подобно заваливающемуся пьянице, они делают это постепенно.

– Бежим! – кричит Джем.

И они бегут.

Странник сграбастывает Рилу в охапку и, опуская голову, ускоряется. Джем наступает ему на пятки.

Они мчатся, громко топая, этот звук напоминает стучащий по крыше дождь, что разносит вокруг звучное эхо. Лишь спустя два уровня у Странника начинают заплетаться ноги, не в силах справиться с резким креном настила; он отклоняется назад, пытаясь не упасть. Джем, не в силах остановиться, не в силах пробежать мимо замедлившегося мужчины, кричит: «Давай же!»

Скала гудит, и в конце концов кабели не выдерживают. Вся конструкция падает со скалы, звонко обрушиваясь в грязный песок, покрывающий камень.

Трое на ней валятся на решетчатую стену, их подбрасывает, они снова падают, образуя запутанный клубок рук и ног.

На мгновение все затихает.

Рила садится. Ее молодое тело выдерживает столкновение с землей куда лучше, чем взрослые. Она поднимает руку и изучает ее. Пересечения на настилах оставили отпечаток на ее ладони и на обратной стороне мизинца. Там, где оторвался ноготь, выступает кровь. От ее вида девочку начинает трясти. Дрожа, оттопыривается нижняя губа.

Резко обеспокоенный, подскакивает Джем. Ложится лицом на решетку, пытаясь разглядеть что-то сквозь нее, затем поворачивается к остальным.

– Вы в порядке?

Со вздохом Странник поднимается на локте.

Рила показывает ему свою руку и смотрит на нее, как будто перед ней непримиримый враг.

– Ой, – говорит Джем. – Выглядит не очень. – Возвращается к решетке. – Думаю, мы в безопасности. Не вижу никого поблизости.

Странник смотрит на ее руку и демонстрирует свою. Посреди мозолей красуются свежие синяки и окровавленные костяшки, а большой палец распух и стал в два раза крупнее большого пальца на другой руке.

Рила впечатленно кивает. Делает глубокий вдох, и ее губа перестает дрожать.

Карабкаясь из обломков обратно на мостки, они видят Грейспот-3 с уровня земли. Воздушные атаки полностью уничтожили какие-либо следы архитектурной планировки, которая, возможно, здесь была. Воронки придали зданиям новые формы, добавили уродливые углубления. Комья подорванной земли образовали новые холмы, некоторые из которых все еще горят, медленно превращаясь в лужи из гари.

Это мертвое место, но не все здесь мертвы. Тут и там сидят и стоят выжившие, объединенные ужасом, сливаются с развалинами. Они едва ли замечают гостей, да и вообще что-либо вокруг.

Но замечает Джем. Он улавливает в обломках отсветы, двигаясь от одной кучи к другой, ища сокровища посреди этого разрушения. Находит несколько монет, одну – ценную, платиновую, и клеевой пистолет с половиной заряда.

Пока он занят этим, Странник оглядывается на скалу. Серебристая фигура шагает с обрыва, отражая солнечный свет. Расправляются сияющие крылья, превращая падение в полет, затем в скольжение, и вот она почти достигает земли, направляясь напрямик к ним.

Это зрелище привлекает выживших. Как один, они орут, рассыпаясь во все стороны.

Джем, Рила и Странник тоже переходят на бег, но не успевают далеко уйти, когда их настигает ее тень. Они останавливаются, Дельта приземляется перед ними. Слева направо она обводит глазами пространство, ее взгляд ожесточается, когда обнаруживает разрушения, а затем замирает на ближайшей горе трупов.

Джем начинает пятиться, но Странник крепко хватается за руку. Он медленно падает на колени, утягивая остальных за собой.

Дельта вытаскивает из горы одно тело. Его руки асимметричны, одна толще и длиннее другой. Она вынимает и череп – обычный, маленький, и поднимает его к небу.

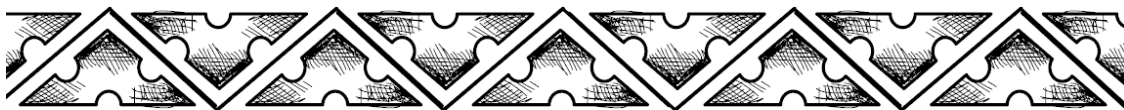
– Как могло до этого дойти?

Вопрос риторический, но Странник встает, привлекая ее внимание. Он указывает на море, и она, проследовав взглядом за его рукой, видит на далеких волнах удаляющиеся точки. Флот под знаком Крылатого Ока. Над которым парит массивный небесный дворец Альфы.

Дельта закрывает глаза.

Тысячу пятьдесят один год назад

Массасси добавляет последние модификации в металл вручную. Почему-то ей это кажется правильным, как будто это наиболее личное ее творение.

Эта работа – медленная гонка. Не имеет значения, закончит она сегодня или завтра, через год или через три. Брешь молчит, ее Империя стабильна. Опасность скорее идет изнутри, нежели снаружи: Массасси ускоряет собственную дегенерацию.

Некоторых это привело бы к депрессии или срыву, но для Массасси это стимул. Есть четко определенное задание и теоретические знания, как с ним справиться. Будь она проклята, если ей помешает что-то такое несущественное, как физическое тело.

Мощные машины уже придали форму основной оболочке, над которой она и работает. Форму выкованного в металле человека. Она знает, что люди бессознательно реагируют на высокий рост, и поэтому сделала его выше обычного – внушительным, властным. Это облик, требующий подчинения.

Добавила широкие плечи и выдающиеся мускулы. В них нет большой необходимости, и они никак не отражают способности ее творения, но она создает не просто орудие, она создает символ, который должен вселять уверенность.

Она работает долгими часами, теперь, самоустранившись от политических амбиций и правления, находя в себе скрытые ресурсы энергии.

Массасси работает молотом и напильником, и лицо начинает обретать форму. Царственное, горделивое, благородное. Лишь закончив, она видит в нем сплав своего прошлого. Черты ее куратора смешиваются с чертами Инсы, которые, в свою очередь, перетекают в черты нейромастера, которого она встретила несколько десятилетий назад, и в черты первого человека, которого отправили за ее головой, когда она была еще ребенком. Эта группа слишком разнородна, чтобы создавать на ее основе единый образ, но все они были уверены в своих способностях, многие противостояли ей, и все склонились перед ее волей.

Отойдя назад и оглядывая оболочку, она не может избавиться от чувства, что чего-то не хватает. Недостаточно того, что выбранная форма получилась большой, внушительной. Массасси нужно, чтобы она превосходила человеческую природу, нужно что-то, что будет возвышаться над людьми и вселять благоговение.

И тут она понимает: крылья. Она подарит своему творению крылья. Она намеревается наделить его многими качествами и умениями – прикладными, важными, – так почему бы не добавить чего-то просто так? На ее лице появляется редкая улыбка, и она приступает к модификациям.

Одно изменение ведет за собой другое, и перед ней предстает целый набор задач: необходимость соблюдения законов аэродинамики и практические аспекты функциональных крыльев на гуманоиде.

Прекрасно, думает она. Вся ее жизнь была сплошной чередой препятствий. Не поздно ли что-то менять?

Время проходит в дымке размышлений, проектирования, работы, а также пота, проклятий и улыбок.

Когда оболочка близится к завершению, Массасси начинает работать над ее оружием. Она и раньше создавала мечи для своих рыцарей-серафимов. Каждый хранит в себе мельчай-

ший фрагмент ее сущности, активируемый песней. Она их не усложняла, ограничив их действенность навыками тех, кто их использует. Здесь таких ограничений не будет. Она собирается создать нечто, обладающее собственным сознанием. Это будет отчасти союзник, частично расширение, единое, но разделенное целое.

Льется металл, еще и еще, затачивается край, клинок регулируется на фокусирование и выброс сущности.

Она снабжает меч глазом, помещая его на крылатую крестовину. Ее замысел заключается в том, что связь будет обоюдно, что позволит мечу сообщать своему носителю о развитии битвы и, в случае необходимости, направлять его руку в бою.

Пока что безмолвный меч вкладывается в пустую руку, безжизненные пальцы смыкаются вокруг рукояти.

Когда все готово, она забирается на помост и поднимает свою металлическую руку. Радужка на ее ладони открывается, и она кладет руку на глаза своего создания.

Заходя вглубь, Массасси направляет свою волю. Ее цель – создать идеал, существо, которому нет равных, которое будет обладать силой творить то, что необходимо. Из нее выплескивается сущность, наделяя оболочку светом, наделяя ее жизнью. Часть этого света проходит сквозь его руку, вливаясь в меч и утекая обратно. Подобно ребенку в лоне матери, оболочка тянет жизненные силы из Массасси, вбирая в себя аспекты ее личности. Она пытается удерживать сожаления и сомнения и отдать лишь сильнейшие части себя.

Сущность в оболочке обретает форму, удерживаемая линзами и кабелями, и подобно воде течет по внутренним каналам. Она находит собственный ритм и становится независимой.

Массасси отпускает хват и тяжело прислоняется к помосту. На нее моментально наваливаются вся ночная работа, все долгие часы. Старые суставы внезапно заявляют о себе, и все, на что она сейчас способна, – это тяжело дышать, более походя на мешок с костями, чем на богоподобную императрицу.

Она делает выдох, фигура перед ней – вдох, и воздух начинает трещать от энергии. Три глаза открываются одновременно, и рождается Альфа.

Опускается серебряная рука, предлагая Массасси помощь. Никогда она не соглашалась ни на чью помощь, но сейчас принимает ее без колебаний, и ее аккуратно ставят на ноги.

Впервые за свою жизнь она не одинока.

Поднимая взгляд, она видит глаза чистейшей лазури, как небо в идеальный для полетов день. Они восхищенно смотрят на нее, наполненные любовью.

Она ищет в Альфе трещины, сбои и протечки сущности, и ничего не находит.

– Ты справишься, – говорит она.

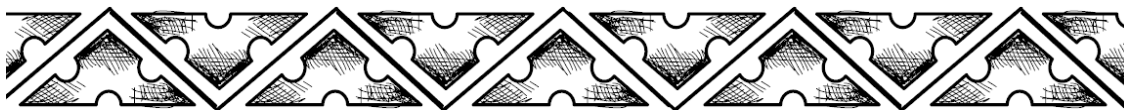
Грудь Альфы надувается, реагируя на скрытую похвалу. Он говорит, и его слова разносятся по всей мастерской, заставляя металл звучать, а кровь – петь.

– Я готов, создательница. Начнем?

– О да, – отвечает она, – еще как справишься.

Глава четвертая

«Покой капитана» скользит по морю, оставляя за собой световой след. Специальное подразделение рыцарей Веспер, Орден Сломанных Клинков, занимает место на палубе и под ней. За прошедшие годы они видели и пережили многое, и этот опыт и взаимное уважение их сплотили. Несмотря на глубоко засевшие предрассудки, проведенное с Веспер время несколько расширило их взгляды, и теперь они с горем пополам принимают штурмана корабля.

Самаэль за штурвалом. Подобно остальным рыцарям, он носит броню, но она – набор изношенных доспехов, найденных на древнем поле боя. Мешанина, какофония, но функциональная. Абсолютно оправданная. Ибо Самаэль – уникальный полукровка, измененный, будучи взрослым, и его человеческая сущность сосуществует с сущностью рыцарей Нефрита и Пепла. Командир, когда-то великий человек, поддался совращению, а его душа едва не сгорела из-за фрагмента inferнальной сущности, превратившей его в раба. И подобно многим, кто когда-либо страдал, он передал это страдание дальше, привязав Самаэля к своей воле.

И Самаэль бездумно служил, куда командира не уничтожили. С тех пор он бродил, иногда служа другим, иногда – самому себе. Теперь он служит Веспер, и пока что его это устраивает.

Будучи потомком Узурпатора, Самаэль не испытывает любви к inferналиям, кроме одного, связанного с ним нитью сущности. Невидимая для большинства, эта нить соединяет его с Псиным Отродьем, шелудивым созданием с рыжей шерстью и оторванным во цвете лет ухом. Полупса зовут Ищейка, и в его череп вставлен глаз Самаэля, точно так же, как глаз полупсы – в череп Самаэля. Обмен глазами создал прочную связь, позволяющую им разделять зрение и ощущения.

Сейчас внимание Самаэля направлено на контрольную панель «Покоя капитана», но он также осознает, что Веспер чешет пятно на его шее и что живот требует еды.

Веспер стоит на носу, ветер развеивает ее волосы. По одну сторону от нее сидит Ищейка, по другую – козел. Кажется, что всем троим одинаково приятно ощущать встречный ветер.

Когда к ним присоединяется Самаэль, она поднимает бровь.

– Не в твоих правилах оставлять панель управления.

– Верно, не в моих, – отвечает он сухим надтреснутым голосом, будто страдающий от жажды человек. – Но мы на месте.

Веспер смотрит ему за плечо, видит, как затихает световой двигатель, ощущает, как в медленном развороте замедляется «Покой капитана». Хмурясь, она поворачивается на месте, вглядываясь в горизонт, пока не совершает полный оборот.

– Ты уверен? Как-то тихо.

– Это наши координаты. Думаешь, Первый придет?

– Зачем так заморачиваться, чтобы потом не появляться?

Самаэль издает сухой лающий звук.

– Причин может быть масса. Чтобы увести тебя от Империи и получить возможность атаковать в другом месте. Или напасть на тебя там, куда ты не сможешь пронести Злость.

– Ну, если так посмотреть...

Ищейка тихо скулит, и Веспер опускает взгляд.

– Что такое?

– Ему нравилось твое внимание, – отвечает Самаэль, – и у него все еще не перестало чесаться.

– Прости, Ищейка, – говорит она, возобновляя свои обязанности чесальщицы. – Дело в том, что я знаю: у Первого тысяча причин желать мне смерти. Мои рыцари в целом не в восторге от ситуации, а если бы дома узнали, что я здесь, – она качает головой, – не перестали бы меня поучать.

– Они не в курсе?

– Ну, подробностей они не знают. Я сказала им, что хочу заключить долгосрочный мир и что нам нужно поменять свое мнение об инферналях.

– Но ты не называла имени Первого?

– Нет. Не думаю, что Покорность, или жители Сияющего Града, – она кривится, – или мой отец к этому готовы.

Самаэль задумчиво кивает.

– Согласен.

– Пока что они даже представить себе не могут масштаб того, что я хочу изменить. Надеюсь, если мне удастся это проверить, им и не придется. Все сразу же станет видно. – Она смотрит в разные глаза Самаэля. – Я собираюсь это сделать, чего бы мне это ни стоило.

– А Злость рада твоим планам?

Веспер дотрагивается до рукояти меча, и тот начинает гудеть под кончиками ее пальцев.

– Не уверена, что меч в принципе способен испытывать радость. Но мы это обсудили и придерживаемся единого мнения.

Наступает негнетущая тишина. Проходит время, рыцари тихо переговариваются между собой, Веспер играет с Ищейкой, а Самаэль с козлом наблюдают за волнами.

Затем вода вокруг корабля начинает темнеть.

Самаэль поднимает взгляд к небу, но находит там всего лишь несколько облаков, и ни одно из них не перекрывает солнце. Они с Веспер бегут к лееру и перевешиваются через него.

Под ними движется тень, которая становится тем больше, чем выше она поднимается. Хотя скверна и увеличила обитателей глубин и по размерам то, что приближается, напоминает одного из них – оно слишком твердое и слишком статичное для того, чтобы быть живым. Это корабль, построенный в дни расцвета Империи, – волнотворец. Соответствуя своему имени, он поднимает воду вокруг себя, заставляя «Покой капитана» качаться на волнах. Под их ногами шатается палуба, затем раздается глухой звук падения, и ботинки Веспер на короткое мгновение оказываются в воздухе. Она крепко хватается за леер, а рыцари тем временем стоически выжидают, приклеенные к своим местам.

Внутри волнотворца активируются магнитные замки, цепляя его к меньшему судну. Не обращая внимания на дополнительный вес, он продолжает подниматься, пока поверхность воды не разрезает тупой нос, выталкивая себя и меньший корабль в воздух.

Во все стороны летит пена, а качка на волнах приобретает постоянный ритм, все утихая, покауда оба корабля и вода вокруг них не успокаиваются.

На боку волнотворца открывается люк, откуда возникает фигура в черном, чьи свободные одежды развеваются вокруг такой же брони. Одним прыжком он перемещается на шесть метров и приземляется на леер, ставя ноги по обе стороны от рук Веспер.

Рыцари срываются с места, спеша ее подхватить. Самаэль обнажает старый меч, а за плечом у Веспер злобно открывается глаз.

– Стойте! – кричит она, поднимая руки. – Все, остановитесь! Отбой!

Внезапно все замирают, хотя и остаются настороже. Самаэль возвращает меч в ножны.

Первый смотрит на них сверху вниз.

– Вижу, вы все еще склонны к... насилию, и я не удивлен.

Веспер на шаг отходит от леера.

- Ты тоже не изменился.
- Это так. Я остаюсь... рассудительным.
- Поэтому ты на нас напал?

Первый поднимает руку в металлической перчатке и указывает на Веспер.

– Ты демонстрируешь свою силу. Я демонстрирую свою. Интересно, что ты приказала своим людям не атаковать, а сама все же обнажила Злость.

Веспер моргает, с удивлением понимая, что это правда. Меч сейчас гудит в ее руке, готовый действовать. Она быстро думает.

- Я обнажила ее не со зла. Злость тоже участвует в нашем разговоре.

Она закрывает глаза, позволяя мечу показать ей Первого с другой стороны. Его глазом она видит обитающего в человеческом теле инферналя. Бурлящая сущность, клубящаяся неприятными чужеродными завитками. Внутри этой чужеродности таятся опознаваемые эмоции. Быстрые колебания выдают тревожность, одинокая вспышка цвета, вероятно любопытство, сменяется переходом тона в другой, намекающий на горечь. Признаков агрессии не видно, по крайней мере пока.

Вновь открывая глаза, Веспер подманивает Первого вперед, приглашая на палубу.

Он легко сходит с леера.

- Готова начать?

– Да, – она опускает меч, но обратно в ножны его не кладет.

– Не желаешь обсудить наши дела... наедине? Если да, то можем подняться на мой корабль.

- Нет. Здесь мы можем говорить свободно. Мои рыцари знают, каков план.

Первый расстегивает свой шлем, лишенный каких-либо украшений или опознавательных знаков, и снимает его. Обнажается лицо – волевое, женское, чьи черты кажутся немного странными из-за мельчайших изменений, произошедших с ним за все годы служения Империи Крылатого Ока.

У Веспер перехватывает дыхание. Ей знакомо это лицо. Когда-то оно принадлежало двум людям, каждого из которых звали Диадой. Это лицо вызывает множество воспоминаний – как она предала одну из них, как другая предала ее саму. В итоге Диаду забрали инфернали, но лишь одна из них сдалась добровольно.

Видя это, Ищейка запрокидывает голову и воет.

Первый внимательно смотрит на Веспер.

– Вероятно, ты задаешься вопросом, почему для нашей встречи я выбрал именно эту оболочку. Тому много причин. Я хотел тебе напомнить, что в прошлом люди твоей Империи желали со мной сотрудничать. Я хотел показать... нашу общую историю.

- Она все еще, – Веспер неопределенно машет рукой, – здесь?

– Нет. Ее тело было достаточно свежим, чтобы в него вселиться, но когда я прибыл, сущность уже улетучилась.

Веспер опускает взгляд.

- Хорошо.

– Правда? Для кого? Если бы ты не вмешалась, с моей помощью эта женщина осуществила бы свои мечты. Ныне от нее осталось лишь воспоминание, не более. Посмотри на это лицо и вспомни прошлое. Если ты не примешь мое предложение, то выберешь смерть.

Произнесенная угроза заставляет рыцарей сильнее сжать оружие. Однако, в отличие от прочих орденов серафимов, эти рыцари более не носят поющие мечи, давно ими пожертвовав. И потому едва ли представляют угрозу для Первого.

Ищейка поднимает глаза на инферналя и воет.

– Прекрати! – обрывает Веспер и качает головой, глядя на Самаэля. Полукровка не отвечает, но пес виновато опускает голову.

– Ты что-то говорил о предложении?

– Да. У меня нет разногласий с твоим видом. Многие из вас... счастливо живут в моих городах. В течение долгих лет мы имели возможность убедиться, что можем сосуществовать. Мне противится лишь ваша Империя. Ликвидируй ее, уничтожь оружие, созданное для причинения страданий моему народу, и я соглашусь на мир.

Веспер закусывает губу и смотрит на море. В ее руке дрожит меч.

– И все? Это твое предложение?

– Да.

– Что ж, с одним я могу согласиться: если мы не договоримся, то начнется война.

– Тогда давай договариваться.

– Да. У меня тоже нет разногласий с твоим видом.

Она подзывает Самаэля.

– Я могу... как ты сказал? Сосуществовать. У меня налажены отношения с Новым Горизонтом, Западной Расщелиной, Красным Путем, Вердигрисом и Слейком. И это только первый шаг. Я собираюсь вести переговоры со всеми, и не в качестве отдельных государств, а в качестве единого сообщества. Я хочу, чтобы ты стал его частью. Пойдем со мной на юг. Присоединяйся к переговорам.

– Я слышал об этом твоём собрании.

– Это не секрет.

– Одно не исключает другого. Если ты примешь мое предложение, то я пойду с тобой.

Глаз сужается, и Веспер повышает голос.

– Как ты можешь быть настолько слеп?

Она поднимает меч, и Первый отшатывается.

– В Злости столько же жизни, сколько и в тебе! Он заслуживает жизни ровно настолько же, насколько и ты. Мечи рыцарей-серафимов, которые ты так страстно стремился уничтожить, тоже живы. Они не так сложны или умны, как Злость, но они живые. Если ты хочешь, чтобы я увидела в тебе больше, чем просто врага, то должен сделать то же самое для меня. Ты предлагаешь мне сдаться тебе или быть уничтоженной. Разве это выбор? Я же предлагаю тебе стать частью чего-то большего.

Лицо Первого не меняется, не выдавая его чувств.

– Это... неожиданно.

Веспер позволяет себе легкую улыбку.

– Узурпатор уничтожен, и теперь я говорю от лица Империи. Нам больше не нужно сражаться.

– Как скажешь. Ты меня не убедила, но мне стало любопытно.

Веспер перекладывает меч в левую руку и протягивает правую.

– Перемирие? Ты пойдешь со мной?

– Я пойду с тобой и стану наблюдать. Возможно, приму участие в переговорах. Большого обещать не могу.

– Большого я и не прошу.

Первый пожимает ей руку, идеально копируя человеческий жест.

– Я принимаю твое предложение.

Волнотворец и «Покой капитана» несколько дней бок о бок идут по морю. Из-под воды поднимается и присоединяется к ним одно судно, затем другое. Оба – из флота Первого.

Веспер с мечом встревоженно переглядываются.

Этим дело не заканчивается. Появляется четвертый корабль, пятый – и так далее, пока за ними не образуется военный флот из девяти судов, идущих под поверхностью воды. А когда

в небе над ними занимают позицию полдюжины небесных кораблей, Веспер вновь требует переговоров с Первым.

Он приходит во множестве тел. Некоторые спускаются с небесных кораблей, другие всплывают из глубины. Веспер смотрит на них зрением меча и начинает понимать, насколько на самом деле велик Первый. Одно существо, разделенное на маленькие человеческие куски. Несмотря на то что у Первого большая, обширная коллекция оболочек, все они одеваются одинаково, двигаются одинаково, из-за чего едва ли можно запомнить разницу в росте и весе. Веспер догадывается, что здесь собралась едва ли четверть его мощи и остальные оболочки разбросаны по миру.

Они выстраиваются вдоль леера, похожие на воронов, ожидающих, пока подохнет животное.

Веспер показывает на окружающие их корабли.

– Это что?

Одна из фигур нарушает строй, прыгивает вниз и снимает шлем, обнажая лицо Диады.

– Ты хотела, чтобы я отправился с тобой на юг.

Она хмурится.

– На переговоры. Нам не нужен флот вторжения.

– Я не собираюсь устраивать вторжение. Мы заключили перемирие.

– Я просто не могу понять, зачем нам все эти корабли.

– Кажется, ты недовольна. Я не понимаю. Разумеется, твое собрание обладает достаточной важностью, чтобы заслужить мое полное внимание.

– погоди. То есть ты созываешь всех... эм-м, всего себя?

– Да.

Меч смотрит на Веспер, и она скорее ощущает, нежели слышит его похожее на шепот гудение. Веспер кивает.

– Ты недоговариваешь.

– Когда-то ты пообещала мне стать буфером между мной и Злостью, помнишь?

– Да.

– И пока между нами мир, обещаешь ли ты стать буфером между мной и остальными из Семи?

– Да.

Первый наклоняется ближе, осмеливаясь приблизиться к невидимой силе злости меча.

– А ты ведь действительно еще не знаешь, так?

– О чем ты?

– О Семерых. Они пробудились, и на севере полыхает огонь их гнева.

– Но на севере нет врагов.

– Они смотрят на это иначе.

Веспер бледнеет, и Первый продолжает:

– Семеро собирают силы. Созывают агентов, которые, в свою очередь, созывают остальных. Фракции внутри колоний, что перешли ко мне, уже начали восставать. Они направляются на юг. Думаю, Они идут за мной.

Веспер прикладывает руку к губам. В отчаянии думает о своей семье. Не пали ли они очередной жертвой? И что Семеро с ней сделают? Поставят в пример другим – но пример чего? Она отгоняет эти мысли, качая головой.

– Все это время ты знал. Поэтому и согласился со мной поговорить. Ты напуган!

– Да, напуган. Нас с тобой объединяет страх.

Она поднимает взгляд, ее щеки непокорно горят.

– Нет, мы объединены не только страхом.

Но когда на горизонте появляются передовые разведчики армады Семи, она идет прямо к Самаэлю, и он на всех парах гонит «Покой капитана», пока корабль практически не взлетает над волнами.

Первый возвращается к своему флоту, и тот тоже ускоряется, стараясь не отставать от более изящного судна.

Корабли разведчиков пропадают из виду, но о них не забывают.

Дельта усилием воли не отводит взгляда. В одной руке у нее череп, в другой – останки скелета. Череп ничем не примечательный, человеческий, мужской, скелет принадлежит другому человеку, которому довелось испытать прикосновение скверны, искривившей кости.

Даже не считывая эха струящейся вокруг них сущности, она понимала, что их кончина стала резкой, мучительной и была принесена ее братом, Альфой.

Внутренний порыв заставляет ее пройти вокруг руин Грейспота-3. Там, где обычные глаза видят лишь настоящее – погребальные костры, пепел и обугленные здания, глазам Дельты видно сияние там, где была использована сила ее рода. Она прислушивается к угасающему гудению энергии, телом чувствует в воздухе мягкие вибрации. Вместе эти ощущения позволяют ей пойти по следу брата. Она останавливается везде, где звучала его песнь, опознает тела убитых им, задыхается от его безжалостного праведного гнева, который все еще висит в воздухе.

Так много убитых. Среди погибших так много ее людей, что это выше ее сил. В итоге она притормаживает на окраине Грейспота-3 и задумывается.

Ее роль – любить своих братьев и сестер, вместе с ними делать мир лучше, и все же она не может испытывать любовь к тому, что произошло. И не может не осуждать.

Она спросила, как до этого дошло, и они указали на ее брата. Но этого недостаточно. Она знает, что это сделал Альфа, она поняла это в тот момент, когда они сюда прибыли. Но она не понимает, ни почему он это сделал, ни почему он это сделал именно таким образом.

В ней бурлит потребность найти ответы, превращая отчаяние в действие.

Джем дергает Странника за рукав и понижает голос:

– Как думаешь, как долго Ее не будет?

Странник смотрит туда, куда ушла Дельта, пожимает плечами.

– Тогда пошли, пока она не вернулась.

Странник кивает и решительно направляется к докам.

Рила шагает за ним; маленьким ножкам приходится работать в два раза быстрее, чтобы поспеть. Последний раз взглянув на Дельту, Джем следует за дочерью.

Здесь тяжелый дымный воздух, пахнет горелой резиной и жареным мясом. Странник прикрывает рот, и остальные по разным причинам делают то же самое.

Разношерстное полчище кораблей, обычно стоящее в порту, исчезло, и его обломки плотным слоем покрывают воду. Большинство судов затонули, некоторые все еще тонут, и лишь местами из воды в последнем прощании торчат одинокие мачты.

Странник смотрит на море. Небесный дворец Альфы уже исчез из видимости, оставив за собой спокойный горизонт.

После секундного размышления он, хмурясь, направляется вдоль рифленого причала, выискивая что-то янтарными глазами.

– Что ты делаешь? – спрашивает Джем. – Нам нужно убираться отсюда. Если мы продвинемся по береговой линии достаточно далеко, то доберемся до другого порта. Может, удастся сесть на корабль. Или можем пойти вглубь материка, куда-нибудь подальше, где никого нет. Туда, где куча коз!

Странник останавливается и сурово смотрит через плечо.

– Что такое? Ты же любишь коз!

Странник оставляет его без внимания и идет дальше.

– Слушай, неважно, кого мы будем разводить и будем ли вообще разводить кого-либо. Нам нужно немедленно уходить отсюда. Империя явится за Дельтой, и, когда появится, мы пожалеем о том, что не свалили вовремя.

Джем снова оборачивается, чтобы проверить, видно ли Дельту, обнаруживает, что она находится в сотне метров от него и что он смотрит прямо ей в глаза. Она выглядит решительно, разгневанно, и он быстро отворачивается, внезапно ощущая прилив ледяной волны стыда.

– Нам нужно уходить, – повторяет он громче. – Нам нужно уходить!

Слышит всплеск, оборачивается. Странник копошится в воде, вытягивая из нее предметы, как фокусник из шляпы. Кидает их на причал. Джем бросает на них взгляд, не видя ничего, кроме обломков хлама.

Странник засовывает руку глубже и что-то с усилием тащит. Вода чуть ли не закипает, и из глубин радостно выпрыгивает маленький водный шаттл. Более не привязанный к разбитому материнскому судну, шаттл легко держится на воде, а его бока украшают лишь несколько вмятин. Построенный для быстрых перемещений на короткие расстояния, водный шаттл напоминает треугольный дротик, чья плоская палуба врезана в надводный борт.

Рила с опаской смотрит на лодку, но позволяет занести себя на борт. Джима подгонять не требуется, он прыгает на лодку сразу, как только там появляется место.

– Как ты его заведешь? – спрашивает он.

Странник хмуро смотрит на темный дисплей.

Они несколько раз наугад тычут в экран и обшаривают пространство по сторонам от рулевой тумбы. Ни одному из них не знакома такая конструкция.

Рила проводит собственные эксперименты, случайным образом щупая все подряд.

Странник бьет кулаком по рулевой тумбе.

Ничего не происходит.

– Не сломай! – говорит Джем.

Рила бьет по боковой стенке.

– Рила, прекрати!

С внезапным гудением рулевая тумба активируется. На ее поверхности загораются огоньки, начинается диагностика, находящиеся снизу рулевые клапаны открываются, закрываются, открываются и снова закрываются.

Странник, Джем и Рила улыбаются, каждый записывает эту удачу на свой счет.

Раздается щелчок, и на экране рулевой тумбы синим и зеленым высвечиваются нужные огоньки. Водный шаттл готов к отплытию.

Как только затихает гудение циклограммы пуска, их ушей достигает иное гудение на той же высоте, раздающееся сзади.

Улыбки дружно гаснут. Нехотя они поворачиваются, и Дельта заходит на борт.

Странник преклоняет колени, Джем вжимается в дальнюю стенку шаттла. Рила просто тарашится на нее с разинутым ртом, распахнув глаза, насколько это возможно.

Дельта смотрит в ответ.

– Вперед, – произносит она, и от этого слова всех троих бросает в дрожь. Джем задумывается, не желает ли она, чтобы он ушел, но не осмеливается пошевелиться. В любом случае она закрывает проход. Возможно, горько размышляет он, она ожидает, что он спрыгнет за борт.

Двигатель водного шаттла радостно запускается.

Странник поднимается. Поворачивается к рулевой тумбе и кладет руки на заплесневевшую поверхность по бокам от нее. Мутигель адаптируется к контурам его пальцев, плотно прилегая к коже. Он крепко встает, распрямляет плечи и вытягивает руки вперед.

Водный шаттл начинает движение, с легкостью разрезая плавающие вокруг останки флота. Странник еще больше вытягивает руки, и шаттл ускоряется, вырываясь из самых плотных слоев обломков.

Так как Странник за штурвалом, а Рила имитирует бурную деятельность, Джем единственный, кому остается беспокоиться из-за Дельты. Он пытается не смотреть на нее, но не может удержаться. Видит, что она прихватила с собой кости из кострища и держит их большим и указательным пальцами. Стоит ей слегка надавить, и их сотрет в порошок. Джем удивляется ее сдержанности, пытается отыскать в поведении бессмертной какую-либо закономерность, зная, что это глупо. Покуда она не начала ломать кости, решает он, они в безопасности.

Веспер осознает, что ее рука движется к рукояти меча. Она не сопротивляется, позволяя себя вести. Обнажая оружие, видит, что его глаз уже открыт и смотрит прямо вверх. Веспер следует за его взглядом, но не видит ничего, кроме затянутого тучами неба.

Смотрит на Ищейку.

– Тебе или Самаэлю что-нибудь кажется странным?

Ищейка принюхивается, а Самаэль, стоящий позади него за штурвалом «Покоя капитана», оглядывается по сторонам. Но им нечего доложить.

Однако меч настаивает, даже волнуется. Веспер вздыхает. Меч волнуется с того момента, как они покинули Сияющий Град. Читая ее мысли, он дрожит в ее руке. *Нет*, будто говорит он, *сейчас все иначе*.

Серебряные крылья указывают наверх, подчеркивая, что там что-то есть.

Веспер закрывает глаза и позволяет мечу смотреть за нее.

Физический мир остается таким же, каким она его видела. Никаких небесных кораблей, никаких крылатых фигур, никаких угроз, но обычно невидимые потоки сущности теперь нарушены.

Это сообщение, песнь, что исходит от ее преследователей наверх в космос. Она не может постичь ее значения, но понимает, что это приказ и что отдан он Альфой из Семерых.

Несмотря на то что бессмертный далеко, что их разделяют мили океана, она чувствует, что он тянется к ним, как будто способен их коснуться.

А затем, пока она продолжает стоять с закрытыми глазами, кое-что действительно обретает видимость: мелкая искра в небе, подобная первой звезде раннего вечера.

Сердце Веспер без видимой причины начинает биться чаще. Все еще не открывая глаз, она обращается к Самаэлю:

– У нас проблемы!

Она едва слышит его ответ над океаном. Он просит уточнений. Хочет ли она, чтобы он изменил курс? Замедлился? Ускорился?

– Не знаю! – кричит она. – Будь готов ко всему!

Ищейка согласно лает.

Темные глаза козла мечутся слева направо. Он чувствует, что настроение изменилось, но не может понять причины.

Вокруг нее стоят рыцари с оружием наготове, их губы автоматически шепчут молитву: «Крылатое Око, спаси, защити и убереги».

Они не осознают иронии ситуации, поскольку на них действительно смотрит око – сфера из серебряной стали, находящаяся высоко на орбите. Но его внимание отнюдь не предвещает спасения.

Дается ответная песня – без эмоций, без чувств – Альфе.

Веспер вновь открывает глаза и бежит к Самаэлю.

– Семеро! Они знают, где мы!

– Да, – не удивившись, отвечает полукровка. – У тебя в руках Злость.

Она вспоминает, что меч пытался ей сказать.

– Сейчас все иначе. Они точно знают, где мы. Сообщил Первому.

Самаэль выполняет поручение, затем добавляет:

– Мы и так идем на максимальной скорости, и нет причин думать, что они нас догонят.

Можем ли мы быть уверены, что не потеряем их?

– Нет. Ладно, возможно, но мне кажется, здесь что-то не так. Меч знает, что Семеро – там.

Она без раздумий указывает нужное направление.

– Они должны ощущать, где мы. Зачем еще как-то заморачиваться?

– Чтобы узнать наши сильные стороны.

– В этом есть смысл, но...

Она осекается, бросает взгляд на меч. Он выжидательно смотрит туда, откуда они прибыли, через океан.

И тут она их видит.

Облако вращающихся ракет, вокруг рифленой поверхности которых играет воздух, создавая массовое жужжание. Они стремительно приближаются, и к тому времени, как мозгу Веспер удастся обработать то, что она видит, ракеты начинают снижаться, разбиваясь на группы, каждая из которых направляется к определенному судну.

Флот Первого начинает действовать. Ни одна из ракет не нацелена на небесный корабль, поэтому они могут спокойно стрелять по облакам ракет, прореживая их. Военные корабли уходят под воду, оставляя задачу небесному флоту.

В это время Самаэль поворачивает «Покой капитана» настолько резко, насколько осмеливается, и корабль наклоняется, угрожая перевернуться. Рыцарей, несмотря на ремни, бросает на палубу, и им остается лишь смотреть и надеяться.

Веспер мчится на киль и шатается: наклон палубы всё увеличивается. Врезаясь в задний леер, она делает резкий вдох и поднимает меч, начиная песнь. Воздух вокруг нее вспыхивает голубым, заставляя дрожать ближайшие ракеты, и их вращение внезапно становится хаотичным.

Зло загорается глаз, и ракеты меняют курс, падая в море.

Несмотря на это, несмотря на все, многие ракеты достигают цели, пробивая корпуса, вытравливая дыры, разжигая подводный пожар. С каждым взрывом высвобождается малый импульс сущности. Они не волнуют Веспер, но Первый внутри множества своих оболочек ошеломленно замирает. Самаэль вздрагивает, прижимает руку к голове, а Ишейка дико скулит.

Флот Первого остается нетронутым, но четыре судна вынуждены, дымясь, подняться на поверхность воды, а у одного из них полностью отказывает мотор.

Веспер хватается за леер и переводит дыхание, пока «Покой капитана» замедляет ход. Она не успокаивается – меч ей не позволяет, и когда на подходе оказывается вторая волна ракет, она выпрямляется и делает вдох, чтобы снова начать песнь.

Пока они в пути, Странник все сильнее гонит водный шаттл, пока его руки не встречают сопротивление тумбы – мутигель информирует, что он достиг максимально безопасной скорости.

Вода здесь беспокойная, и шаттл беспорядочно бросает с одной волны на другую. Джем забивается в угол, держа на руках Рилу. С каждым броском судна спина и ноги бьются о твердую поверхность корпуса. Дельта для равновесия расправляет крылья.

Странник шурится на пустой горизонт, хмурится и снова давит руками на руль, пока его пальцы не перегибаются через край рулевой тумбы.

Мотор прекращает гудеть и начинает свистеть, хотя из-за ветра этот новый звук едва слышно. На носу шаттла открывается аварийное управление закрылками, которое пытается снизить скорость и не допустить того, чтобы судно перевернулось.

Они продолжают идти на такой скорости, что еще немного, и, кажется, шаттл преодолеет закон притяжения. Они насквозь мокрые, продуваемые ледяным ветром, руки у них онемели, а глаза щиплет.

Странник сжимает зубы.

Джем пытается что-то ему сказать, но слова исчезают в общем грохоте. Он в ужасе, но двигаться ему куда страшнее, чем оставаться на месте. Джем поворачивается и видит держащую кости Дельту.

Наконец в поле зрения появляется небесный дворец Альфы. Его размеры обескураживают – он подобен наполовину проявленному изображению, на котором еще не показалась гора, которая, очевидно, поддерживает здание. Но горы нет.

Впереди на воде они видят ряды кораблей Альфы, целую армаду; их слишком много, чтобы сосчитать. Военные крейсеры, фрегаты, разведчики – все движутся идеальным строем. Флота, подобного этому, не снаряжали со времен Битвы Красной Волны.

А дальше, за зубчатыми парапетами дворца, поднимается сияющее облако – рой выпущенных ракет, которые вскоре скрываются за горизонтом.

Джем кричит, но его голос на фоне воя стихий и свиста мотора кажется комариным писком:

– И что теперь?

Странник не обращает на него внимания.

– Ты ведь не собираешься идти напролом? Ты не сможешь!

Странник не обращает на него внимания.

– Я не позволю тебе так поступить с Рилой!

Над ними нависает тень, и оба оборачиваются.

Дельта выступила вперед и идет дальше, становясь так близко, что рукоять ее меча едва не пронзает Джему грудь. Она сгибает колени и прыгает вверх, из-за чего шаттл опасно кренится назад.

Морская вода тут же поднимается до лодыжек и заливается в ботинки, холодя пальцы.

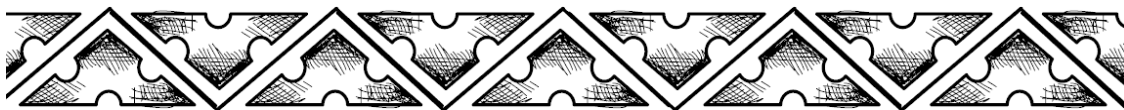
Дельта взмахивает крыльями, и нисходящий поток прибивает Странника к тумбе, а Джема и Рилу – к полу.

Откашливаясь, Джем садится и смотрит наверх.

Дельта снова делает долгий плавный взмах крыльями, поднимается, ловя потоки, и те быстро уносят ее прочь. Бессмертная подобна серебряной стреле, выпущенной напрямик во дворец Альфы.

Глава пятая

Дельта смотрит на корабли внизу. На них – те же отряды, что выжгли Грейспот-3, те самые, которые превратили живущих там людей в кости в ее руках.

Она смотрит на дворец Альфы глазами того, кто только что видел вылетевший оттуда залп ракет. Она чувствует эти далекие взрывы. Глубоко внутри нее расплзается горе, пока не становится слишком сильным, чтобы держать его в себе.

Дельта размыкает губы и начинает петь.

Песнь сотрясает воздух. Плачут ближайшие облака, а внизу замирают волны, обрушиваясь друг на друга.

Хотя от командиров приказа не поступало, пилоты кораблей отключают двигатели.

Все останавливается.

Но Дельта еще не закончила.

Она обращает свой взор на небо, поет так же, как пел ее брат, и устанавливает связь с далеким объектом на орбите. Но ее приказ – иной. В последний раз спутник мерцает, а затем затухает.

Серебряные крылья переносят ее через парашют, и, глядя на нее, солдаты в невольном благоговении вздыхают. Она не обращает на них внимания и ныряет во двор, куда приходит Альфа, а за ним сразу же появляются Бета, Эпсилон, Тета и Эта.

Он не смотрит на Дельту, когда та приземляется, но его небесно-голубые глаза темнеют от гнева. Его взгляд останавливается на сестре, и она чувствует его недовольство, как будто ее бьют кулаками в грудь. Собираясь с духом, Дельта поднимает руки, раскрывает ладони так, чтобы все увидели обугленные деформированные кости в одной руке и череп – в другой.

– Как могло до этого дойти?

Прибыли три серии ракет, рассыпавшиеся звонким дождем. Веспер высматривает четвертый. Вокруг нее на палубах кораблей толпятся команды Первого, туша пожары, латая дыры, выливая лишнюю воду.

Краткая передышка затягивается, и забывается ритм прошлых атак. Закрывается глаз на мече, и Веспер откладывает его в сторону.

Два из девяти кораблей, сопровождавших «Покой капитана», затонули, еще пять повреждены и не способны опуститься под воду. Волнотворцу подбили один из моторов, существенно замедлив его ход.

В отличие от сухопутных сражений от морской битвы не осталось никаких следов. Более того, вода даже более спокойная, чем раньше.

Веспер наливает себе выпить, чтобы успокоить горло. После активации Злости оно пересохло и теперь ноет от каждого произнесенного слова. Она молча наблюдает за тем, как ее рыцари, Орден Сломанных Клинков, сбрасывают в море своего товарища. Прежде чем вода поглощает тело, ей удастся увидеть осколочное ранение и посочувствовать его невезению.

Людей охватывает тоска. Они привыкли к смерти и борьбе, но к этому – нет. Кто-то поднимает руку.

– Да?

– Эта атака... это дело рук Империи.

Это был не вопрос, но Веспер все равно отвечает.

– Да... и приказ отдал Альфа из Семерых.

Измучение не слишком вяжется с выражением их обычно непроницаемых лиц. Наконец один из старших рыцарей произносит:

– Если Семеро желают нашей смерти, разве мы не должны подчиниться?

– Нет, – отвечает Веспер. – Все не так просто. Альфа начал атаку, но меч Гаммы нас защитил, а один из Семерых его остановил.

– Но... Семеро же единоклюшны! Что это значит?

– Это значит, что Они не единоклюшны. Возможно, никогда не были.

В разговор вмешивается другой рыцарь, он совершенно отчаялся, хотя никогда прежде не терял своей отваги:

– Что нам делать?

За плечом у Веспера открывается глаз, а ее собственные глаза наполняются гневом.

– Что нам делать? Что нам делать?! Всю жизнь мы жили без Семерых. Гамма помогала нам прежде, Она помогает нам и сейчас. При Узурпаторе и Тоске мы выжили без Их помощи. Мы только начали что-то понимать, и я не собираюсь останавливаться сейчас. – Она бросает взгляд на подбитые корабли вокруг и лишь сильнее хмурится. – Проклятый Альфа! Как Он смеет атаковать тех, кому в одиночку пришлось столкнуться со всем этим, пока Он проливал слезы во тьме!

Рыцари не отвечают, пораженные таким святотатством. Они беспрекословно ей верны, но также верны Семерым. До сих пор они полагали, что это одно и то же.

Ушей Веспера достигает шепот.

– Мы недостойны, мы Их подвели. Мы нарушили наши клятвы.

– Нет! – резко отвечает Веспер. – Нет. Разве вы не понимаете? Это Они нас подвели, но мы должны идти вперед. Ибо если мы остановимся, то погибнут тысячи. Вы готовы на это? Вы со мной?

Она смотрит на них. Один за другим они встречаются с ней взглядом и кивают. Она кивает в ответ, успокоенная и гордая.

Вернувшись к Самаэлю, она замечает, что он нетвердо стоит на ногах и прижимает руку к своему избитому шлему.

– Ты в порядке?

– Да, – отвечает он.

Веспер подозревает, что ответ куда длиннее и сложнее, но не настаивает. Рядом скулит Ишейка, распластавшись на животе и закрыв голову лапами.

– А он?

– Он поправится.

– Рада слышать. Не видел моего козла?

Самаэль указывает вниз. Козел обнаруживается зажатым между его ногами и штурвалом. Лишь отчаяние позволило ему так сжаться, чтобы вместить могучее тело в такое узкое пространство. Его голова торчит под странным углом из отверстия в штурвале.

– Вот ты где. А теперь замри на секунду и...

Она осекается, ибо ее внимание привлекает Первый. Он прыжками приближается к ней, отталкиваясь от одной палубы и приземляясь на палубу соседнего корабля, походя на блоху в доспехах.

– Не переживай, – говорит она козлу. – Я вернусь.

Когда она выпрямляется, Первый уже стоит перед ней.

– Среди Семерых царит несогласие. Чувствуешь?

– Да, – отвечает она.

– Мы должны уходить, пока оно не разрешилось.

– Согласна.

Она оборачивается к Самаэлю за подтверждением.

– Мы готовы, а ты?

– Наша маневренность снижена. Если они опять устроят погоню, то легко нас догонят.

– Значит, нам нельзя терять время.

Первый возвращается на корабли, Самаэль – к штурвалу, а Веспер пытается высвободить козла. Пару мгновений спустя моторы будоражат спокойную воду, и восемь кораблей продолжают свой путь.

Идущая под небесным дворцом Альфы армада – хоть она и не так впечатляет, как сам дворец, – состоит из лучших кораблей Империи. Колоссом среди них высится флагман «Решимость».

Совмещающая в себе функции пусковой станции, флагманского корабля и артиллерийской установки, «Решимость» казалась бы огромной, если бы не находилась в тени кое-чего куда большего. Над основной палубой на суставчатой стальной мачте возносится мостик S-образной формы, похожий на отведенную назад голову дракона, готовую изрыгнуть пламя.

На флагмане находится Рыцарь-Командор, высший военный чин в Империи Крылатого Ока. Его окружают офицеры, команда, все на своих местах, все в ожидании его слов.

Но в этот раз ему нечего сказать.

– Рыцарь-Командор, – произносит один из офицеров, – корабли Хранительницы и Первого от нас удаляются.

Он проверяет данные на экране, затем добавляет:

– Два подбиты.

Поворачивается к офицеру.

– Только два?

– Так точно, сир. Два подбиты.

В отличие от своего предшественника, за время своей службы Рыцарь-Командор не получил никакого военного опыта. Поэтому он крайне обеспокоен тем, что простые явления довольно редко действительно так просты, как кажется на первый взгляд. Ракеты, например, должны были полностью уничтожить врага.

Но несоответствие ракет ожиданиям – малейшая из его тревог.

– Рыцарь-Командор, они все еще двигаются.

– Принято, – отвечает он, раздраженный ненужной информацией и нервным напряжением, которое заставило ее доложить. – Сообщите мне, если это изменится.

Он сцепляет руки за спиной и удерживает себя от того, чтобы начать мерить палубу шагами. Как никто другой он должен казаться спокойным.

Приказы Альфы ясны. Их цель – очистить мир огнем и песней. Их имена войдут в легенды, и их увековечат в каноне для будущих поколений. Или так он считал. Приказы Дельты были точно так же ясны: остановиться. Отсутствие конкретики вынуждает их из осторожности допускать ошибки. Они прекратили преследование, выключили моторы. Теперь не остается ничего иного, кроме как ждать.

Рыцарь-Командор смотрит вверх. За металлом над его головой, где-то в парящем небесном дворце, Семеро собрались вместе и, насколько он может судить, начали спорить.

Эта абсурдная мысль идет вразрез со всем, чему его учили с первых дней в хоре до его обучения в качестве оруженосца, противоречит даже многочисленным наставлениям Покорности. Впервые в жизни Рыцарь-Командор ощущает, как краеугольный камень его уверенности дал трещину и начал крошиться.

По двору небесного дворца Альфы яростно мечутся две сущности – пара постоянно сталкивающихся грозowych фронтов.

Спор Дельты и Альфы стихийен: он создан из слов, воли и песни.

Для людей, достаточно невезучих, чтобы его лицезреть, это слишком. Уши не выдерживают гневную песнь и истекают кровью, зрачки расширяются и замирают в таком положении. Они не мертвы, но живого в них мало.

Остальные, что рассредоточены по дворцу, просто в ужасе преклоняют колени. Кто-то плачет, кто-то прячет лицо, кто-то молится, взывая к милости. Все эти реакции не имеют никакого значения.

Бета из Семерых потрясенно наблюдает за происходящим, а Эпсилон, Тета и Эта просто ждут, как ждали всегда.

Кости, которые Дельта принесла из Грейспота-3, были уничтожены. Слишком хрупкие, чтобы выдержать энергию такой силы, они рассыпались пылью, которая кружится вокруг бес- смертных и вскоре оказывается развеяна и забыта. Она пришла с вопросом – и получила ответ. Этот ответ порождает другие вопросы, каждый из которых – укол в глаз, и другие ответы, что подобны пощечинам, хлещущим все быстрее, все громче и злее, и вскоре даже Бета отворачивается, чтобы не видеть.

Все заканчивается внезапно – рукой Альфы на горле Дельты. При соприкосновении что-то в ней, похоже, ломается, ее глаза наполовину закрыты, а обмякшее тело слабеет. Альфа не позволяет ей упасть – пока не время. Его гнев еще не остыл.

Он поднимается по винтовым лестницам на парапет, таща Дельту за собой, и ее пятки бьются о каждую ступеньку.

Бета следует за ними, а через мгновение к нему присоединяются Эпсилон, Тета и Эта.

Альфа проходит мимо склоненных голов и дрожащих тел, игнорируя всех. От него волнами исходит недовольство, вынуждая людей убираться с его пути подобно металлической стружке от повернутого не той стороной магнита.

Поднимая Дельту над стеной, он обнажает меч. Глаз на эфесе открыт и озлобленно смотрит на Дельту, болтающуюся над пропастью, подобно марионетке.

Альфа отводит меч, и свет вокруг него вспыхивает так ярко, что клинок на его фоне чернеет.

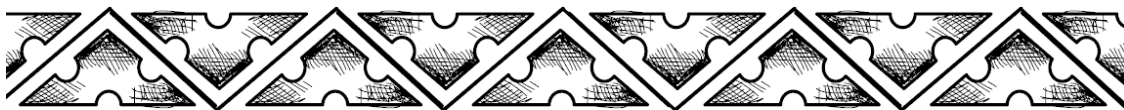
А потом рядом вырастает Бета и хватается брата за запястье.

Альфа опускает взгляд.

Их глаза встречаются.

Тысячу сорок девять лет назад

Массасси откидывается на кушетку и стонет от удовольствия, когда та погружает ее в чан. Нутрижидкость затекает между пальцев ног и подмышек, уплотняется у основания шеи и позвонков, поддерживает и согревает тело.

Давняя травма требует постоянного внимания. Инъекции, таблетки и стимуляция органов стали ежедневными процедурами. Некоторые – для снятия боли, некоторые – для поддержания ее в сознании. Но у всего есть последствия. Она лишилась волос и ногтей. Когда-то она заткнула раны металлическими заклепками. Это было временное, поспешное и определенно не лучшее решение, которое оставило ей на память регулярные воспаления и инфекции.

Годами она терпела подобные мелочи – это небольшая цена за сохранение мира. Больше терпеть не будет. Наконец она может отдохнуть. Теперь есть Альфа, который более чем в состоянии управлять Империей. Она получила давно заслуженный перерыв.

Массасси пытается вспомнить, когда в последний раз чувствовала себя настолько расслабленно – и не может. Нутрижидкость облегчила ее физические боли, а Альфа снял с нее огромную ответственность. Возможно, это и стоило ей лучших лет жизни, но она воплотила задуманное.

Проходят часы, счастливая дрема перемежается периодами самодовольных размышлений. В обычных обстоятельствах ее резвый ум уже бы давно заскучал, но она не чувствует необходимости двигаться. Возможно, такова старость, которая находит удовольствие в мелочах. Возможно, она просто устала. Впервые Массасси не ощущает желания прилагать усилия. Вовсе не обязательно утруждать себя осмыслением происходящего. Она могла бы так лежать до скончания времен.

Ее дремота прерывается настойчивым стуком по чану. Массасси неохотно просыпается.

Это Мир-Пятнадцатая. Одна из лучших из нового поколения. Массасси достаточно одного взгляда на сущность девочки, чтобы понять: случилось что-то серьезное. Сердито отданный приказ – и стол поднимается, возвращая ее из чана на дрянной холодный воздух.

– Что случилось?

Мир-Пятнадцатая кланяется, чертя пальцами знамение Ока.

– Альфа.

Она заставляет себя выпрямиться, игнорируя недовольные протесты спины.

– Да не стой ты столбом! Помоги мне!

Мир-Пятнадцатая быстро заворачивает Массасси в самозастегивающийся костюм и подгоняет ее наружу. Массасси видит в девочке страх, который частично начинает просачиваться и в нее саму.

– Что случилось с Альфой?

Сквозь ее разум проносится шквал мыслей. Неужели ее прекрасное творение пало и сломалось из-за ее просчета, что стал причиной медленной утечки его сущности? Или, быть может, она неточно откалибровала его крылья. Они отлично работали на малой высоте, но что если он взлетел выше, доверившись ей? Что если она опять ошиблась, как ошиблась с Брешью?

Мир-Пятнадцатая качает головой.

– С ним ничего не случилось, Ваше Императорское Величество. Я пришла просить вас его остановить.

Расслабленности как не бывало, и Массасси чувствует, что к ней возвращается привычный ужас.

– Веди.

Они идут по коридорам и транспортным желобам, ускоряются на автоматических платформах и настилах, пока не добираются до галереи ведущих в коммуникационную башню дверей.

При приближении Массасси двери открываются, открывая перед ней весь масштаб ее неудачи. В комнате валяется четыре полностью переломанных тела. Пятый человек издает приглушенные звуки, и Альфа прижимает его голову к стене.

Не готовая к такому зрелищу, Массасси на мгновение замирает. В этот момент Альфа сжимает руку, и на его серебряную кожу потоком льется кровь.

Она запоздало произносит:

– Что это?

Альфа поворачивается, его глаза светятся любовью.

– Создательница!

Он быстро перешагивает через тела и, раскрыв объятия, направляется к ней.

Массасси поднимает руки, останавливая его.

– Я спросила, что это?

Он замирает, все еще раскрывая руки, пока Массасси изучает его сущность. Ее легче считать, чем большинство сущностей, она ярче, чище, и он не пытается скрыть ее от Массасси.

Первый человек умер, поскольку предоставленные им Альфе расчеты оказались неверны – сокращение на ноль целых три десятых требовало повторной балансировки. Второй умер, поскольку осмелился сказать Альфе, что его действия чудовищны, – это, по мнению Альфы, являлось намеком на то, что он совершил ошибку. Это, разумеется, было в той же мере критикой его создательницы, в которой и его самого, а этого он не мог допустить. Примерно по тем же причинам умерли третий и четвертый, а пятый не смог справиться с тем, что ему пришлось увидеть. На его сущности проглядывали трещины, и Альфа решил, что лучше немедленно его уничтожить, чтобы избежать опасности срыва в неподконтрольном пространстве.

Замену уже вызвали. В течение часа здесь восстановят порядок и бывшее совершенство.

Массасси нет дела до прочих последствий этих действий, и о смертях она не сожалеет. Поскольку в Альфе сожаления нет, оно не было в него заложено. Он идеален, и он ожидает идеала во всем. Он не способен ни понять, ни стерпеть того, что не соответствует его ожиданиям.

Она видит иное будущее Империи, когда ее не станет. Будущее, в котором Альфа медленно уничтожит Империю изнутри. Она даже немного ему сочувствует. Много раз некомпетентность соратников принуждала ее к разрушениям. Но нет, так не пойдет. Роль Альфы заключается в том, чтобы управлять Империей, следить за ней. Похоже, ему понадобится помощь.

Массасси разворачивается к выходу и покидает комнату; Альфу даже не приходится просить следовать за ней.

Они возвращаются в ее мастерскую, и Массасси начинает новый проект. Она благодарна Альфе за помощь, которая облегчает ей работу. Но даже с ней Массасси приходится непросто.

Если при создании Альфы Массасси стремилась к совершенству, сейчас она несколько умеряет свой пыл. Тело, над которым они работают, больше человеческого, оно огромно, но меньше, чем у Альфы. Однако крылья ему она все равно мастерит.

Новое творение планируется сделать таким, чтобы оно уравнивало существование Альфы, что негибает, безжалостен и суров, и она создает того, кто будет более осторожен, кто помнит об общей картине, кто обращает внимание на мелочи.

Если Альфа очертя голову помчится в битву с грядущим врагом, то он будет не один. Будет кто-то, кто присмотрит за его тылом и охранит его. Она кует второй великий меч, и клинок выходит более легким и быстрым, чем меч Альфы.

Когда приходит время наполнить тело и меч сущностью, она пытается сконцентрировать в потоке дух инженера, помня, что именно обучение инженерному делу спасало ее в худшие времена. Она хочет сделать его осторожным, способным мыслить аналитически и логически. Как она сама в мирные дни.

Сущность вырывается из радужки на ее ладони и вливается в тело и меч, творя новую жизнь, укорачивая ее собственную.

Она качается, но не падает, ибо Альфа ловит ее, принимая на себя ее вес. Она физически ощущает окутывающую ее любовь.

Пробуждается Бета. Если очи Альфы подобны небу в безоблачный день, то глаза Беты напоминают темно-синюю ночь.

Массасси оказывается первым, что видит Бета, и она чувствует его любовь точно так же, как любовь Альфы. Более нежную, но не менее сильную.

Она касается одной из поддерживающих ее серебряных рук.

– Альфа, это твой брат.

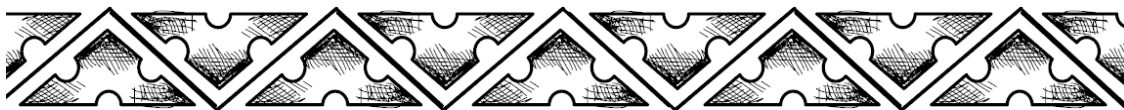
Альфа наклоняет голову.

Бета голову поднимает.

Их взгляды встречаются.

Глава шестая

Море так неестественно спокойно, что напоминает безбрежное озеро. Отголоски силы Дельты замедляют потоки и умирляют волны. Идущая под ними армада тоже замирает, синхронно затаивая дыхание, пока Семеро разрешают свой спор.

В полумиле над ними в своем небесном дворце так же неподвижно восседает Альфа.

Спокойствие нарушает маленький водный шаттл – как комар в безмолвном помещении. Он – единственное, что сейчас движется, и диспетчеры всех кораблей следят за его продвижением через перископы и иллюминаторы из пластика.

Хотя пассажиры водного шаттла и не видят наблюдателей, они ощущают их пристальное внимание.

– Это была плохая идея, – говорит Джем.

Странник не отвечает, таким образом вынуждая его разговаривать со своей спиной. По мере приближения к проходу между двух больших имперских кораблей Странник снижает давление на рулевую тумбу и замедляет шаттл, чтобы встать с ними вровень.

– Не понимаю, почему мы не можем просто их обойти.

Странник сжимает губы, продолжая тормозить.

Джему остается лишь молча кипятиться. Он беспомощно поднимает подозрную трубу к глазу, исследуя корабль за кораблем, проверяя, не направлены ли на них пушки. Не направлены. Удостоверившись в своей временной безопасности, он настраивает трубу на небесный дворец Альфы.

– Вижу движение на стенах... Вижу Семерых! – кричит он, отчего Странник кривится, а Рила подпрыгивает. Затем шепотом повторяет: – Вижу Семерых. Думаю, это Альфа. Он... Он держит Дельту... Вид у Нее неважный. Она мертва? Он Ее бросил!

Странник поднимает глаза вверх. Даже без подозрной трубы он видит, как солнца окутывают бессмертную красным и золотым свечением, пока она штопором падает вниз.

Его руки сжимают рулевую тумбу и давят вперед. Из-за этого водный шаттл начинает качаться на воде, а затем ускоряется. Двигатель принимается жалостливо выть.

– Я в этом не уверен, – произносит Джем, но в его словах мало решимости. Он уже смирился с тем, что Странник его не слушает.

Водный шаттл с легкостью петляет между задних рядов армады, разрезая спокойные воды, стремясь туда, куда упадет Дельта.

Джем смотрит в трубу.

– Мы точно не успеем.

Он прав.

Впереди Дельта в последний раз перед падением неловко поворачивается в воздухе. Поднимаются брызги. Когда затихает вода, бессмертной и след простывает.

Что-то меняется в воздухе, и по поверхности воды вновь расходятся волны.

Джем нервно оглядывается.

– Думаю, нам действительно пора уходить.

Странник оттягивает рулевую тумбу, обращая работу двигателей, чтобы резко затормозить. Шаттл практически замирает над тем местом, куда упала Дельта.

– Что ты делаешь? – спрашивает Джем. – Она же камнем пойдет на дно!

Странник сбрасывает длинный плащ и стягивает ботинки.

– Даже если ты Ее найдешь, тебе не хватит силы, чтобы Ее вытащить.

Странник нажимает на гладкую стенку шаттла, и там открывается отделение, из которого он достает дыхательную маску.

– Не понимаю, на что ты надеешься! Ей на нас плевать! – Он окидывает рукой корабли позади: – Но им – нет! Они все хотят, чтобы мы умерли, помнишь? – Он тянется к руке Странника.

– Тебе не спасти Дельту, но ты можешь спасти нас.

Страхнув его руки, Странник ныряет в воду.

Джем сердито смотрит вниз. Разражаясь проклятиями по поводу происходящего, на полуслове он обрывается, замечая пару маленьких ботинок, расположенных рядом с ботинками Странника под тем же углом.

Когда до него доходит, глаза лезут на лоб.

– О нет, Рила!

Он поднимает взгляд как раз вовремя, чтобы увидеть всплеск.

– Рила! – снова кричит он и ныряет вслед за ней.

С мостика «Решимости» Рыцарь-Командор смотрит на постепенно успокаивающееся море и надеется, что это добрый знак.

– Удалось установить, что это за шаттл?

– Так точно, сир. Это из наших. Он был утерян во время боя более двадцати лет назад. Я выведу его на экран.

Рыцарь-Командор рассматривает сделанные несколько минут назад изображения, увеличивает их.

– Что мы знаем о команде?

– Линзы сообщают, что на борту Защитник. С ним двое неизвестных. Один из них осквернен, другой под подозрением. Прикажете ими заняться?

– Не сейчас.

– Виноват, сир, но...

– Что?

– Ничего, сир.

Рыцарь-Командор не наказывает офицера за едва не состоявшееся нарушение субординации. Он его понимает. Что они ни решат сделать – им конец. Принятие действий идет вразрез с прямым приказом Семерых. Бездействие противоречит их заповедям. Подвести Семерых значит заслужить смерть. *Интересно*, мрачно думает он, *нас убьют за то, что мы сделали слишком много или слишком мало?*

Заговаривает офицер, следящий за другой жертвой.

– Прошу прощения, сир. Знаю, вы приказали вас не беспокоить, но они почти достигли края сканируемой области.

– Невозможно. Они не могли уйти так далеко за такое короткое время.

– Это не они, сир. Так как Семеро... Так как Дельта... В общем, наша сеть частично упала над тем местом, где они находятся. Глаза ослепли, сир. Если мы не пошлем разведчика или небесный корабль, то потеряем их.

– Вас понял.

Одна цель ускользает, другая находится в их руках, и он ничего не может сделать ни с одной из них.

Дельта приказала им остановиться. Покуда она или кто-либо из Семи не отдаст им иного приказа, он не осмелится действовать.

Рыцарь-Командор начинает вышагивать по палубе, ловит себя на этом, ругает себя и вновь замирает на месте. Вспоминает про веру в Семерых. Когда они будут готовы, то укажут путь. Пока что он должен запастись терпением.

Но картинка на экране уязвляет его. Жалкий кораблишко, хваленая спасательная шлюпка насмехается над мощью Империи! Он концентрируется на гнев, изо всех сил старается не думать о том, что упало со стены дворца или что это может означать. Он здесь не для того, чтобы задавать вопросы, он здесь, чтобы служить.

– Сир, если мы через пять минут не пошлем кого-нибудь на разведку, то потеряем их.

Рыцарь-Командор выпрямляется, выпячивает грудь.

– Пусть бегут, если хотят. Это неважно. Их время придет, когда Семеро будут готовы.

Офицеры удовлетворенно кивают, а Рыцарь-Командор вспоминает историю и тихо паникует. На решение, что делать с Разломом, Семерым потребовался год, а после Битвы Красной Волны Они исчезли на два десятилетия. Он беспокоится, сколько времени понадобится Им на этот раз, чтобы начать действовать, и что он будет делать, когда припасы станут истощаться.

Странник прыгает в воду, позволяя инерции утянуть его как можно дальше, и лишь затем начинает плыть. Сильные гребки уносят его на глубину, но у Дельты временное преимущество.

Янтарные глаза рыщут в глубинах, замечают далеко внизу серебряное сияние и извивающуюся в муках фигуру. Он плывет к ней, его легкие работают на износ, а мышечная память давно ушедшей юности подсказывает, что надо делать.

Рыбы держатся на расстоянии, отпрядывая от нарушающих их покой.

В отличие от остальных морских обитателей, привлеченных надеждой поживиться добычей. Ближайшее создание походит на вывернутую наизнанку ракушку с выпрастывающимися из нее щупальцами. Если присмотреться, то можно увидеть, что эта ракушка – обломок подводной лодки, обернутый вокруг иной формы жизни, а каждое щупальце на самом деле – вытянутое человеческое тело без конечностей. Каждое тело является вместилищем для низшего инферналя, слуги того, кто обитает внутри ракушки. На телах еще остались болтающиеся на упругих шеях головы с незрячими белесыми глазами и полными сломанных зубов ртами. На месте волос расположились длинные прозрачные антенны, и они колыхнутся, считывая завихрения в воде.

Один из низших инферналей впитывает информацию о свежей добыче вместе с ее размером и актуальной скоростью. Эта информация проходит по телу сквозь его сущность до того места, где когда-то располагались ступни, и нашептывается по мембранам в ухо их хозяина. Создание содрогается, переваривая новости, после чего всплывает и начинает охоту.

Странник уже близок к Дельте и прерывает ритм гребков, чтобы ухватить ее. Но под водой контуры обманчивы, и его пальцы захватывают лишь пригоршню воды.

Он продолжает гнаться за бессмертной. Свет солнц остается все дальше, и под кожу беспрепятственно закрадывается холод. Кончики пальцев касаются острия крыла, но соскальзывают. Еще один рывок, еще одно усилие, и пальцы вновь срываются с гладких перьев. Он хмурится, беззвучно выругивается, снова тянется... успех!

Странник вталкивает себя рядом с Дельтой, поворачивая ее лицом к себе. Здесь почти нет света, но он не видит серьезных ран. Можно было бы представить, что бессмертная просто заснула.

Он хлопает ее по щекам, но она никак не реагирует.

На мгновение он замирает, вздыхает, позволяя уставшим ногам короткую передышку, прежде чем вновь начать действовать.

Крепко перехватив ее под мышки, начинает работать ногами, устремляясь к поверхности. Созданная для полетов, Дельта для своего роста весит немного, но Страннику все равно

приходится нелегко. Они поднимаются, но медленно и с трудом. Внутренняя сторона дыхательной маски Странника покрывается паром.

Он продолжает плыть, находит ритм, упрямо его придерживается.

Из глубин восстают несколько антенных узлов. Один из них касается его ступни и напрягается.

Со следующим ударом ногой антенны устремляются вперед, прощупывая свой путь по выпрямленной ноге Странника. Голова, к которой они прикреплены, ползет за ними, обвиваясь вокруг его лодыжки, пока бывшая когда-то человеческой челюсть трется о его голень. Странник делает резкий вдох, выпуская из-под маски поток пузырей. Затем смотрит вниз. Янтарные глаза округляются. Лягаясь, он пытается высвободиться, но бескостная шея сжимается вокруг его ноги, а человеко-щупальце, прикрепленное к ней, утягивает его назад.

Он смещает захват, освобождая правую руку, и тянется к мечу, левой же крепко удерживает Дельту, прижимает ее, чтобы быстро достать клинок.

Но меч не движется, упрямо оставаясь в ножнах.

Он полностью отпускает Дельту, используя свободную руку как рычаг, чтобы открыть глаз.

Тот испуганно и виновато смотрит на Странника снизу вверх. Он должен был почуять инферналя, но ничего не сделал, не предупредил.

Странник смотрит на глаз.

Глаз отворачивается, дрожит, затем вновь закрывается.

Его собственные глаза изумленно распахиваются.

Ему в голень вонзаются зубы, и Странник невольно содрогается от боли. Тут же антенны оказываются на другой ноге, а их товарищи между тем начинают исследовать его спину.

Странник сжимает кулак, слегка отводя средний палец, чтобы костяшка превратилась в пик, и тыкает мечу в глаз.

Тот в изумлении открывается, а Странник резко вытягивает меч, делает вдох, чтобы запеть, и тянется свободной рукой к маске.

Рядом появляется голова, сжимающая челюсти вокруг его левого предплечья.

Держа собственный рот закрытым, сохраняя драгоценное дыхание, Странник притягивает руку к себе, дюйм за дюймом приближаясь пальцами к нижнему краю маски.

Что-то ползет по его спине, по линии ребер, пока ему в живот не утыкается вторая голова.

Маска слетает.

Странник поет, выдавая более слабую ноту, чем обычно, но меч Дельты все равно ее подхватывает и усиливает. Вокруг них начинает дрожать вода, облако антенн отступает и крепко закручивается. Челюсти ослабляют хватку: низшие инфернали ретируются в свои оболочки, а их хозяин удивленно трясется.

Между тем отпущенная Дельта снова принимается уплывать.

Вновь прижимая маску к лицу, Странник делает очередной вдох, затем убирает ее, чтобы вновь запеть, теперь сильнее, устремляя меч вниз. Вода трещит, идет горячими пузырями, и после внезапной конвульсии бледнокожих щупалец инферналь исчезает, поглощенный глубинами.

Странник моргает, чтобы избавиться от кошмарной картинке перед глазами, и отправляется за Дельтой. Его раненая нога уже не может работать, как раньше, что замедляет его продвижение, но ему все равно удастся вновь ее схватить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.